
UC-NRLF
$B 172 720

ВОПРОСЪ

о

ЕТЫРЕХЪ НРАВСТВЕННЫХЪ ОСНОВАНІЯХЪ

ПРЕДЪ

СУДОМЪ ЧЕСТИ

СОЮЗА

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Въ пользу сельской школы на рѣкѣ Лютой.

Цѣна **30** коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1897.

адъ изданія при конторѣ журнала „**НОВОЕ СЛОВО**" (Спб. Спасская, 15) и отдѣленіяхъ: въ Петербургѣ—Невскій, 54, библіотека Черкесова; въ Москвѣ — Книжный маг. „Трудъ", Тверская, д. Спиридонова.

Vopros

ВОПРОСЪ

o peredachi zhurnala

О ПЕРЕДАЧѢ ЖУРНАЛА

"Novoe Slovo"

„НОВОЕ СЛОВО“

v

ВЪ

sud chesti

СУДѢ ЧЕСТИ

Soiuza russkikh pisatelei

СОЮЗА РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Предсѣдатель: *В. Д. Спасовичъ.*

Члены: *В. А. Манасеинъ.*
П. П. Фанъ-деръ-Флитъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Обложка и титулъ печатаны въ типографіи А. А. Пороховщикова, Бассейная, 3 - 5.
Текстъ печатанъ въ типографіи И. Гольдберга Екатер. кан., № 94.
1897.

Дозволено цензурою. Спб. 23 Іюня 1897 г.

„Не мучими никимже, но сами ся мучать“
Лѣтопись Нестора.

Непремѣнный членъ Суда чести Союза русскихъ писателей, К. К. Арсеньевъ, увѣдомилъ 16-го апрѣля довѣрительницу мою, бывшую издательницу журнала „Новое Слово“, О. Н. Попову о поступленіи въ Судъ заявленія гг. Абрамова и Скабичевскаго, касающагося вопросовъ спорныхъ между ею, издательницею, и сотрудниками „Новаго Слова“. Г. Арсеньевъ приглашалъ „въ возможно скорѣйшемъ времени“ сообщить ему, желаетъ ли моя довѣрительница воспользоваться правомъ отвода двухъ членовъ Суда, заявивъ при этомъ, что засѣданіе Суда вѣроятно состоится 20-го апрѣля. Былъ сообщенъ и списокъ судей:

К. К. Арсеньевъ.
А. Н. Бекетовъ.
В. Г. Короленко.
В. А. Манасеинъ.
Г. Н. Потанинъ.
В. Д. Спасовичъ.
В. С. Соловьевъ.

Кандидаты:
П. П. Фанъ-деръ-Флитъ.
Я. П. Полонскій.

Довѣрительница моя не замедлила отвѣтить, что воспользоваться правомъ отвода судей не желаетъ.

Затѣмъ К. К. Арсеньевъ 19-го апрѣля сообщилъ, что не оказалось возможнымъ назначить засѣданіе Суда на 20-е апрѣля и что дѣло передано, заступающему его мѣсто, В. Д. Спасовичу, по назначенію котораго разбирательство дѣла началось съ 25-го апрѣля.

В. Д. Спасовичемъ было объявлено: что изъ числа судей не могутъ участвовать выѣхавшіе и отъѣзжающіе: К. К. Арсеньевъ, Г. Н. Потанинъ, В. Г. Короленко; за выбытіемъ трехъ судей изъ установленнаго числа семи въ число судей вступаетъ изъ кандидатовъ П. П. Фанъ-деръ-Флитъ, и что Я. П. Полонскій не можетъ принять участіе по болѣзни.

Первое засѣданіе 25-го апрѣля было открыто въ составѣ: Предсѣдателя В. Д. Спасовича и членовъ: гг. Манасеина, Бекетова и Фанъ деръ-Флита.

А. Н. Бекетовъ присутствовалъ въ засѣданіяхъ 25-го и 29-го апрѣля, въ послѣдующихъ же засѣданіяхъ не участвовалъ и, какъ было сообщено предсѣдателемъ при открытіи засѣданія 7-го мая, подалъ заявленіе объ исключеніи его изъ состава членовъ Суда чести.

Правомъ отвода судей не воспользовалась и сторона обвинителей. Это было очень счастливое обстоятельство, такъ какъ осуществленіе этого права было бы равносильно отсрочкѣ разбирательства на неопредѣленное время.

Разсмотрѣніе дѣла длилось съ 25-го апрѣля до 12-го мая.

Судъ не счелъ возможнымъ удовлетворить просьбу довѣреннаго обвиняемой признать засѣданія публичными и разбирательство производилось при закрытыхъ дверяхъ; не было разрѣшено сторонамъ пригласить хотя бы по два лица, къ дѣлу неприкосновенныхъ.

Какъ довѣренный обвиняемой, считаю необходимымъ на это обратить особенное вниманіе, такъ какъ разбирательство дѣла при закрытыхъ дверяхъ было не въ интересахъ моей довѣрительницы.

Публичность засѣданій не могла повредить престижу литераторовъ, во имя котораго г. Абрамовъ настаивалъ на обвиненіи моей довѣрительницы передъ Судомъ въ заключительной своей рѣчи. Но если бы даже престижъ нѣкоторыхъ членовъ Союза русскихъ писателей и могъ отъ этого пострадать, то кто же рѣшился бы этихъ „нѣкоторыхъ“ отождествлять со всѣми русскими писателями.

Въ засѣданіи 25-го апрѣля, послѣ выбора предсѣдателя Суда, были выслушаны: заявленіе гг. Абрамова и Скабичевскаго, отзывъ на это заявленіе моей довѣрительницы и разрѣшенъ вопросъ по вызову свидѣтелей.

Сторона обвинителей просила о вызовѣ въ качествѣ свидѣтелей: С. Н. Кривенко, В. П. Воронцова, Л. Е. Оболенскаго; присяжнаго повѣреннаго М. Ф. Волькенштейна и служащаго по министерству внутреннихъ дѣлъ Е. Д. Максимова.

Довѣреннымъ обвиняемой въ качествѣ свидѣтелей были указаны гг. С. Кривенко и М. Ф. Волькенштейнъ, какъ лицъ принимавшихъ ближайшее участіе въ пріобрѣтеніи журнала отъ г. Баталина, а г. Кривенко сверхъ того какъ фактическаго редактора во все время издательства моей довѣрительницы; В. А. Поссе — какъ входившаго въ составъ редакціи съ февраля 1896 года, и М. Н. Семеновъ, къ которому перешелъ журналъ „Новое Слово“.

Въ томъ же засѣданіи по вопросу, предложенному довѣреннымъ обвиняемой: какою группою бывшихъ сотрудниковъ „Новаго Слова“ гг. Абрамовъ и Скабичевскій уполномочены подать заявленіе — было выяснено, что эту группу составляютъ тѣ лица, которыя

участвовали въ заявленіи о выходѣ изъ числа сотрудниковъ, помѣщенномъ 13-го февраля въ „Новомъ Времени", за исключеніемъ В. А. Тимирязева, К. А. Тимирязева и Н. А. Коблукова *).

Такимъ образомъ было установлено, что гг. Абрамовъ и Скабичевскій являются обвинителями за себя и отъ лица гг. С. Кривенко, В. Яроцкаго, Васил. Немировича-Данченко, Н. Рубакина, Л. Оболенскаго, К. Станюковича, С. Щепотьева и В. П. Воронцова. Установилась также одна изъ особенностей настоящаго дѣла, именно, что гг. Кривенко, Воронцовъ и Оболенскій будутъ принимать участіе въ немъ и въ качествѣ обвинителей, и въ качествѣ свидѣтелей.

Формальныхъ довѣренностей гг. Абрамовъ и Скабичевскій отъ своихъ довѣрителей не представили, но это признано Судомъ и довѣреннымъ обвиняемой не существеннымъ. Въ просьбѣ же послѣдняго предложить г. С. Кривенко вопросъ, дѣйствительно ли онъ, г. Кривенко, выступаетъ въ числѣ прочихъ обвинителемъ (засѣд. 7-го мая) было Судомъ отказано, и объ участіи г. Кривенко, какъ обвинителѣ, можно судить по объясненію гг. Абрамова и Скабичевскаго, данному Суду о составѣ группы, по уполномочію которой они предъявили обвиненіе.

Засѣданіе 9-го мая было предназначено для выслушанія мнѣнія сторонъ, затѣмъ засѣданіе было закрыто, а сторонамъ объявлено, что онѣ будутъ извѣщены, когда состоится рѣшеніе.

Резолюція Суда была подписана 12-го, объявлена же 14-го мая. Въ окончательномъ видѣ опредѣленіе Суда получено 27-го мая.

Для выясненія существа дѣла приводимъ: 1) заявленіе довѣренныхъ обвинителей, гг. Абрамова и Скабичевскаго, поданное ими въ Судъ 12-го апрѣля, 2) объясненіе, данное на Судѣ довѣреннымъ обвиняемой въ засѣданіи 9-го мая, и 3) опредѣленіе Суда въ окончательномъ видѣ.

---

*) Имя Н. А. Коблукова было упомянуто г. Абрамовымъ, но необходимо замѣтить, что подъ заявленіемъ 13-го февраля подписи г. Коблукова не значится.

Въ Комитетъ Союза взаимопомощи русскихъ писателей для передачи въ Судъ Чести.

Заявленіе.

Въ 1895 г. Ѳ. Н. Поповою былъ пріобрѣтенъ журналъ „Новое Слово“ со спеціальной цѣлью дать группѣ писателей извѣстнаго направленія возможность имѣть свой органъ для выраженія своихъ убѣжденій. Предполагалось, что журналъ, когда онъ окупитъ сдѣланныя г-жею Поповой на пріобрѣтеніе и веденіе его затраты, перейдетъ къ группѣ работающихъ въ немъ писателей. Формальнаго письменнаго договора между г-жею Поповой и группою писателей, принимавшихъ на себя веденіе журнала, заключено не было, и вышеуказанная цѣль основанія журнала была обусловлена лишь словесно. Наличность послѣдняго факта, т. е. словеснаго обѣщанія перехода журнала въ лицѣ С. Н. Кривенко къ группѣ писателей, солидарныхъ съ нимъ, устанавливается письмами г-жи Поповой къ С. Н. Кривенко. Именно еще въ письмѣ отъ 30-го іюня 1895 г., т. е. когда журналъ въ обновленномъ видѣ и подъ новою редакціею еще не начиналъ выходить, г-жа Попова пишетъ объ одномъ лицѣ, которое прочилось въ отвѣтственные редакторы журнала, что оно должно было знать, что „Журналъ Вашъ и что онъ Вамъ лично оказываетъ услугу, если берется быть редакторомъ“. Въ письмѣ отъ 18-го октября 1895 года г-жа Попова пишетъ: „Прихожу опять къ тому-же, что разъ уже говорила С. Е.: возьмите у меня журналъ, я передамъ его въ собственность Вашу, всякаго лица, которое Вы выберете, и дамъ при этомъ опредѣленную сумму денегъ“. Въ письмѣ отъ 7-го ноября 1896 г. г-жа Попова говоритъ: „О чемъ-же я то хлопочу, только объ одномъ, чтобы журналъ сталъ на ноги и чтобы Вамъ его передать. Возьмите его завтра—только верните хоть часть затраченныхъ мною денегъ, и съ Богомъ... Что касается Вашего заявленія, что Вы готовы оставить журналъ, то я только руками развела. Зачѣмъ-же было огородъ городить? Мнѣ-то онъ на что? Берите журналъ, только снимите наши имена съ обложки“. Въ письмѣ отъ 22-го декабря 1896 г.,

отвѣчая С. Н. Кривенко о дошедшихъ до него слухахъ о томъ, что г-жа Попова хочетъ передать журналъ въ постороннія руки, она отвѣчаетъ: „Не знаю кто тѣ благопріятели, которые носятъ Вамъ сплетни на домъ, я ничего подобнаго не слышу и не говорю".— „Я никому журнала не продаю"... „Удаленіе О. я считаю за непремѣнное условіе, если Вы желаете, чтобы я оставалась издательницей, а Ал. Н. редакторомъ. Такъ какъ Вы на это не соглашаетесь, то жду пріѣзда А. Н., чтобы переговорить о передачѣ Вамъ журнала, если-же Вы на это не согласны, то доведу кое-какъ до конца года и закрою".

Въ виду указанной цѣли пріобрѣтенія г-жей Поповой журнала, С. Н. Кривенко, принявшій на себя фактическое редактированіе журнала, приглашая лицъ, солидарныхъ съ нимъ по направленію, къ сотрудничеству, указывалъ имъ на то, что журналъ по существу дѣла является принадлежащимъ работающимъ въ немъ и что со временемъ фактически долженъ перейти къ нимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что именно въ виду такого положенія вещей, многія лица, начавшія работать въ журналѣ, перешли въ него изъ другихъ изданій, несмотря на то, что журналъ могъ оплачивать ихъ трудъ значительно меньшимъ вознагражденіемъ, нежели какое они получали прежде. Точно также лица, выполнявшія редакторскій трудъ, въ тѣхъ-же видахъ и по той-же причинѣ довольствовались вознагражденіемъ, не соотвѣтствовавшимъ размѣрамъ ихъ труда, а нѣкоторые изъ сотрудниковъ помогали имъ безплатно.

Вначалѣ г-жа Попова не разъ высказывала желаніе вести лишь одну хозяйственную часть дѣла, не касаясь литературной стороны и литературныхъ отношеній. Но мало-по-малу она перестала ограничиваться этимъ, а начала вторгаться во всѣ дѣла редакціи и притомъ въ прямой ущербъ веденію журнала. Такъ въ то время, какъ г-жа Попова воздвигала гоненія на цѣлый рядъ сотрудниковъ, работавшихъ въ журналѣ (напр. Оболенскаго, Воронцова, Тимирязева и др.) и настаивала на удаленіи нѣкоторыхъ изъ нихъ, она начала настоятельно требовать помѣщенія плохихъ статей лицъ по одному лишь чисто личному къ нимъ расположенію, что и послужило главнымъ яблокомъ раздора между гг. издательницею и редакторомъ.

Въ іюлѣ и августѣ 1896 года, согласно ранѣе возникшимъ предположеніямъ, г-жа Попова писала г. Кривенко о расширеніи дѣла путемъ исходатайства еженедѣльной газеты, которая издавалась-бы при журналѣ; а затѣмъ, пріѣхавши изъ имѣнія, совершенно неожиданно заявила, что не желаетъ продолжать изданіе

журнала, пріостановила печатаніе объявленій о подпискѣ на журналъ и отсрочила подписаніе контракта на наемъ квартиры для редакціи. При объясненіи по этому поводу г. Кривенко, г-жа Попова заявила, что ей жаль затрачивать деньги на дѣло, которое не имѣетъ будущности. Въ виду этого заявленія г. Кривенко предложилъ г-жѣ Поповой продолжать дѣло за счетъ группы писателей, которые работали въ журналѣ, причемъ г-жа Попова въ обезпеченіе ея интересовъ продолжала-бы юридически оставаться издательницей журнала или передала-бы издательское право какому-нибудь другому лицу по ея выбору, или 2) подыскать покупателя на журналъ. Г-жа Попова отвѣтила, что она предпочитаетъ, согласно первоначальному условію, передать журналъ группѣ работающихъ въ немъ писателей. Г. Кривенко указалъ на затрудненія, съ которыми сопряжено пріисканіе достаточно солиднаго въ матеріальномъ и иныхъ отношеніяхъ лица, на имя котораго журналъ могъ-бы быть немедленно переведенъ. Г-жа Попова указала на извѣстную ей г-жу Разальонъ-Сашальскую и поручила г. Кривенко написать ей по данному поводу. Г. Кривенко вошелъ въ переписку съ г-жею Разальонъ-Сашальской, которая изъявила готовность выступить въ роли издательницы при переходѣ журнала къ группѣ работающихъ въ немъ писателей. Но когда довѣренность на этотъ предметъ была уже получена отъ г-жи Разальонъ-Сашальской, г-жа Попова въ видѣ дополнительнаго условія заявила, что г-жа Разальонъ-Сашальская должна немедленно уплатить ей 30.000 р., причемъ имена издательницы г-жи Поповой и отвѣтственнаго редактора г. Попова должны быть сняты съ обложки журнала.

Такое заявленіе было совершенной неожиданностью, о которой г. Кривенко не писалъ и не написалъ г-жѣ Разальонъ-Сашальской, зная, что у нея свободныхъ 30.000 р. нѣтъ. Съ другой стороны, въ виду полной невозможности при нашихъ условіяхъ выполнить требованіе относительно снятія втеченіе недѣли съ обложки журнала имени редактора и каковую невозможность не могла не понимать г-жа Попова, г. Кривенко увидѣлъ въ такого рода заявленіи желаніе г-жи Поповой сдѣлать невозможнымъ дальнѣйшее веденіе имъ дѣла, почему и заявилъ ей о своей готовности выйти изъ журнала. Г-жа Попова предпочла оставить дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно стояло съ начала изданія журнала.

Въ декабрѣ 1896 года г-жа Попова передала г. Кривенко отъ имени своего мужа, отвѣтственнаго редактора, въ то время бывшаго въ Смоленскѣ, о его желаніи, чтобы г. Кривенко дежурилъ по два раза въ недѣлю въ редакціи, держалъ тамъ всѣ корректуры и

чтобы нѣкоторые сотрудники были удалены. Г. Кривенко написалъ г. Попову о невозможности веденія дѣла при такихъ требованіяхъ и заявилъ о своей готовности прекратить дальнѣйшее участіе въ журналѣ.

Г. Поповъ отвѣчалъ письмомъ, въ которомъ обѣщалъ выработать планъ новой организаціи дѣла и представить затѣмъ планъ на разсмотрѣніе г. Кривенко. Никакого плана однако представлено не было, а взамѣнъ того г. Поповъ черезъ нѣкоторое время заявилъ г. Кривенко и Скабичевскому, что г-жа Попова, вслѣдствіе плохого состоянія ея здоровья, продолжать быть издательницей не можетъ и предлагаетъ взять группѣ работающихъ въ журналѣ писателей журналъ въ свое распоряженіе за 25% сдѣланныхъ г-жею Поповой затратъ или даже даромъ. Г. Кривенко отвѣтилъ предложеніемъ г. Попову перевести журналъ на имя его, Попова, какъ издателя, или предоставить ему, г. Кривенко, найти покупателя, или, наконецъ, выработать условія перехода журнала къ группѣ работающихъ въ немъ писателей, согласно первоначальнымъ намѣреніямъ, имѣвшимъ мѣсто при основаніи журнала.

Г. Поповъ поручилъ г. Кривенко найти тотъ или иной выходъ изъ даннаго положенія дѣла, неудовлетворявшаго обѣ стороны. Г. Кривенко указалъ слѣдующіе возможные способы выхода изъ запутаннаго положенія дѣла: 1) или продолжать вести дѣло совмѣстно, съ тѣмъ чтобы г-жа Попова не вмѣшивалась въ литературную сторону дѣла, что не должно исключать указаній на ошибки редакціи, ни тѣмъ болѣе совѣтовъ и вообще помощи, при чемъ, для большаго единенія интересовъ гг. Поповыхъ и группы работающихъ въ журналѣ писателей, предложилъ г. Попову войти фактически третьимъ лицомъ въ составъ редакціи съ предоставленіемъ ему, кромѣ общихъ правъ, права veto относительно статей, по цензурнымъ или инымъ соображеніямъ неудобныхъ; 2) найти покупателя на журналъ, который оставилъ бы прежнихъ сотрудниковъ; 3) передать журналъ группѣ работающихъ въ немъ писателей съ сохраненіемъ за г-жею Поповою или г. Поповымъ издательскихъ правъ ради охраненія ихъ интересовъ, до выплаты затраченныхъ г. Поповою средствъ путемъ частью привлеченія новыхъ пайщиковъ въ дѣло, частью—установленія прогрессивнаго вычета въ пользу г-жи Поповой изъ подписныхъ денегъ.

Указанія эти, изложенныя письменно, были сообщены гг. Поповымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Кривенко обратился немедленно къ г. Станюковичу для переговоровъ черезъ него съ г. Карцевымъ, изъявившимъ желаніе пріобрѣсти журналъ, и къ г. Михееву, также

изъявившему готовность оказать содѣйствіе въ пріисканіи покупателя на журналъ. Между тѣмъ г. Поповъ ровно черезъ день послѣ перваго предложенія заявилъ г. Кривенко при г. Волькенштейнѣ, что всѣ прежнія предложенія отмѣняются, и что г-жа Попова желаетъ передать журналъ только единолично г. Кривенко и притомъ безвозмездно. Г. Кривенко взять на такихъ условіяхъ журналъ отказался, а повторилъ предложеніе о передачѣ журнала, согласно первоначальному условію, группѣ писателей, работавшихъ въ немъ, и съ уплатою г-жѣ Поповой ея затратъ, указаннымъ ранѣе путемъ.

Вслѣдъ за этимъ г. Кривенко получилъ письмо отъ г-жи Поповой, въ которомъ она изъявляетъ согласіе на передачу журнала на основаніи 3 пункта изложенныхъ выше условій, т. е. группѣ писателей, работающихъ въ журналѣ. Во время этихъ переговоровъ были сдѣланы при посредствѣ г. Волькенштейна еще два предложенія гг. Поповымъ: 1) что, не мѣняя ничего во внѣшней постановкѣ журнала, сотрудники г. Кривенко и г. Скабичевскій внесутъ 10 тыс. рублей для облегченія расходовъ по изданію журнала, и 2) что журналъ можетъ быть переданъ вновь образовавшейся Компаніи „Издатель", которая, оставляя прежнихъ сотрудниковъ, выплатитъ за него 20 тыс. руб. и сохранитъ за редакціей или г-жей Поповой право выкупить его въ будущемъ и, такимъ образомъ, дать возможность выручить остальную сумму затратъ. Затѣмъ снова послѣдовало предложеніе г-жи Поповой передать журналъ только единолично г. Кривенко.

Далѣе отъ 17-го января получается новое письмо, въ которомъ г-жа Попова предлагаетъ г. Кривенко сговориться объ условіяхъ передачи журнала съ г. Волькенштейномъ, при чемъ обозначается срокъ для окончанія переговоровъ 1-е февраля въ виду необходимости отъѣзда изъ Петербурга г. Попова. Въ ожиданіи отвѣта отъ г. Станюковича и окончанія переговоровъ съ Михеевымъ г. Кривенко написалъ г. Попову письмо, въ которомъ просилъ его потерпѣть еще одинъ день, когда явится возможность сообщить о комбинаціи, болѣе выгодной для интересовъ г-жи Поповой; при чемъ г. Кривенко разумѣлъ комбинацію, о которой хлопоталъ г. Станюковичъ, и которая состояла въ возможности выплатить г-жѣ Поповой ея затраты. Г. Поповъ отвѣтилъ указаніемъ на то, что до назначеннаго срока 1 февраля остается еще 6 дней, и что „они ожидаютъ окончательной развязки, а не комбинаціи". Между тѣмъ дѣло стало такъ, что вопросъ объ уплатѣ становился возможнымъ. Г. Станюковичъ тѣмъ временемъ нашелъ въ Москвѣ лицъ, дающихъ 25 тыс. руб. на пріобрѣтеніе и веденіе журнала; а членами

группы писателей, работавшихъ въ „Новомъ Словѣ", были найдены для того же дѣла въ Петербургѣ около 20 тыс. руб. *). 29-го января г. Кривенко сообщилъ г. Волькенштейну письменныя условія передачи ему журнала; въ числѣ этихъ условій были выставлены въ качествѣ оффиціальныхъ издателей та самая г-жа Разальонъ-Сашальская, которую предлагала нѣкогда сама г-жа Попова, или постоянный сотрудникъ „Новаго Слова" докторъ Офросимовъ. Отвѣта на это письмо не послѣдовало, а 1-го февраля г. Кривенко получилъ отъ г. Волькенштейна письмо, въ которомъ тотъ приглашалъ г. Кривенко зайти къ нему въ тотъ же день для переговоровъ, въ виду полученія отъ гг. Поповыхъ новаго предложенія о «болѣе удобномъ исходѣ».

При свиданіи съ г. Кривенко, г. Волькенштейнъ сообщилъ, что гг. Поповы оставляютъ журналъ по прежнему за собою при прежней редакціи, что гг. Поповы ничего не имѣютъ противъ сотрудниковъ журнала, но желаютъ чувствовать себя хозяевами дѣла. На это заявленіе г. Кривенко отвѣтилъ письмомъ черезъ г. Волькенштейна, прося разъяснить, что значитъ желаніе гг. Поповыхъ быть хозяевами дѣла, когда они и безъ того являются таковыми, такъ какъ безъ такого разъясненія онъ не можетъ рѣшить вопроса, принимать ли ему предложеніе объ оставленіи дѣла въ прежнемъ положеніи. Въ ближайшій понедѣльникъ, который былъ редакціоннымъ днемъ въ редакціи журнала „Новаго Слова", 3-го февраля г-жа Попова подтвердила г. Кривенко слова г. Волькенштейна, при чемъ переговоры о подробностяхъ дѣла г-жа Попова отложила до отправки февральской книжки въ цензуру (что обыкновенно бывало не раньше 10, 12 числа), что подтверждается письмомъ г-жи Поповой отъ 11-го февраля.

Между тѣмъ 5-го февраля г. Поссе сообщилъ г. Офросимову, что г-жа Попова уже кончила принципіально переговоры съ г. Семеновымъ о продажѣ журнала. Слухъ этотъ былъ подтвержденъ со стороны нѣсколькихъ другихъ лицъ. На это не было обращено вниманіе, въ виду заявленія г-жи Поповой, даннаго ей г. Кривенко 3-го февраля. 7-го февраля въ собраніи Членовъ Союза русскихъ писателей г. Кривенко снова услышалъ о продажѣ журнала г. Семенову и обратился къ г-жѣ Поповой съ вопросомъ по этому поводу. Г-жа Попова отвѣтила, что переговоры съ г. Семеновымъ дѣйствительно идутъ, и что рѣшеніе вопроса о продажѣ журнала зависитъ

*) Относительно послѣднихъ 20 тыс. вопросъ выяснился раньше, а относительно 25 тыс. послѣ 1-го февраля.

отъ поѣздки г. Семенова въ Москву. При этомъ г-жа Попова выразила сожалѣніе, что С. Н. Кривенко не взялъ журнала, и пояснила, что не могла же она согласиться на формальную передачу журнала г-жѣ Разальонъ-Сашальской. Другіе участники въ веденіи журнала также узнали о предстоящей продажѣ журнала. Недоумѣвая по поводу этой продажи, противорѣчившей всѣмъ предыдущимъ переговорамъ, одинъ изъ сотрудниковъ г. Оболенскій 8-го февраля поѣхалъ къ г. Попову и услышалъ отъ него, что относительно продажи журнала все рѣшено безповоротно. Затѣмъ г. Максимовъ счелъ необходимымъ, по личному своему побужденію, также съѣздить къ гг. Поповымъ съ цѣлью сдѣлать еще одну попытку предотвратить такой неожиданный исходъ дѣла; но и онъ услышалъ отъ гг. Поповыхъ, что все дѣло покончено безповоротно и что они считаютъ свои дѣйствія правильными, въ виду того, что они дѣйствовали въ этомъ случаѣ будто бы по совѣту и съ одобренія писателя Николая Константиновича Михайловскаго. Тогда гг. Кривенко и Скабичевскій написали г-жѣ Поповой письмо, въ которомъ просили ее принять къ свѣдѣнію, что они больше никакого отношенія къ редакціи „Новаго Слова“ не имѣютъ. На это письмо г. Кривенко получилъ отвѣтъ 11-го февраля отъ г-жи Поповой, въ которомъ буквально сказано слѣдующее: „Относительно передачи журнала въ другія руки дѣло выяснилось всего два, три дня тому назадъ и сейчасъ еще не можетъ считаться фактически оконченнымъ; дѣло собственно рѣшено будетъ въ среду, послѣ чего я и собиралась Вамъ написать“.

Этимъ письмомъ г-жи Поповой вполнѣ удостовѣряется, что она имѣла намѣреніе продать журналъ потихоньку отъ редакціи и освѣдомить редакторовъ и сотрудниковъ журнала о томъ лишь по совершеніи окончательныхъ формальностей передачи.

Въ виду всего изложеннаго, нижеподписавшіеся, по уполномочію группы писателей, работавшихъ въ журналѣ „Новое Слово“, просятъ Судъ чести, состоящій при Союзѣ русскихъ писателей, членомъ котораго состоитъ г-жа Попова и нижеподписавшіеся, разсмотрѣть нижепоставленные вопросы и дать по нимъ свое заключеніе.

1) Въ виду всего вышеизложеннаго относительно первоначальныхъ и послѣдующихъ предложеній г-жи Поповой и принимая во вниманіе то обстоятельство, что журналъ, при работѣ въ немъ извѣстной группы писателей, черезъ годъ и пять мѣсяцевъ существованія расходился въ количествѣ 3000 экземпляровъ, имѣла ли г-жа Попова нравственное основаніе продать журналъ, не пред-

ложивши сотрудникамъ взять его на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ онъ проданъ г. Семенову?

2) Имѣла ли г-жа Попова нравственное основаніе скрывать отъ работавшей въ журналѣ группы писателей свое намѣреніе продать журналъ?

3) Имѣла ли г-жа Попова нравственное основаніе продавать журналъ, созданный работами людей одного направленія, людямъ совсѣмъ другого направленія?

4) Имѣла ли г-жа Попова нравственное основаніе, завязавъ переговоры съ г. Кривенко о передачѣ журнала и назначивъ срокъ для окончанія переговоровъ, будучи недовольна предложенными условіями и не сдѣлавъ желательныхъ ей поправокъ, приступить къ продажѣ журнала въ другія руки?

Подписали: **Я. Абрамовъ** и **А. Скабичевскій.**

1897 г. 12 апрѣля.

Въ засѣданіи 9-го мая довѣреннымъ обвиняемой послѣ заключительныхъ рѣчей гг. Абрамова и Скабичевскаго было изложено слѣдующее:

Скорбный листъ журнала „Новое Слово" необходимо начать съ воспоминаній о журналѣ „Русское Богатство", въ которомъ довѣрительница моя принимала участіе до пріобрѣтенія ею „Новаго Слова".

Этимъ участіемъ О. Н. Попова была обязана С. Н. Кривенко, пригласившему ее въ число пайщиковъ „Русскаго Богатства".

Весною 1895 года недоразумѣнія среди участниковъ въ „Русскомъ Богатствѣ" достигли размѣровъ, вызвавшихъ кризисъ. Вопросъ о продолженіи сотрудничества С. Н. Кривенко былъ поставленъ ребромъ и разрѣшился выходомъ его изъ журнала.

Пережиты имъ, издательницею и мною, какъ ея довѣреннымъ *), не менѣе трудные моменты, чѣмъ теперь. Всѣ усилія г. Кривенко отвлечь паевые взносы отъ журнала не увѣнчались успѣхомъ. Главныя силы противника сохранили позиціи, и г. Кривенко пришлось удалиться.

*) Былъ избранъ въ предсѣдатели общаго собранія, на которомъ состоялось рѣшеніе не въ пользу г. Кривенко.

Вскорѣ послѣ этого погрома, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ началомъ расцвѣта „Русскаго Богатства", зародилась мысль пріобрѣсти журналъ для г. Кривенко, оставшагося не у дѣлъ.

Въ іюнѣ 1895 года явилось предложеніе г. Баталина и 23 числа журналъ былъ купленъ. Въ переговорахъ съ г. Баталинымъ принималъ живое участіе С. Н. Кривенко, и вскорѣ онъ прибылъ къ издательницѣ въ ея Смоленское имѣніе для переговоровъ по организаціи. При этомъ была рѣчь о выборѣ отвѣтственнаго редактора, о томъ—быть или не быть журналу безцензурнымъ (г. Кривенко высказывался въ пользу подцензурности—„покойнѣе"), но ни о какой группѣ въ то время не было рѣчи. Намѣчалось только, что главное руководительство должно принадлежать г. Кривенко, который принималъ на себя веденіе обозрѣнія внутренней жизни, завѣдываніе беллетристическимъ отдѣломъ проектировалось предложить А. М. Скабичевскому, а иностранное обозрѣніе В. А. Тимирязеву.

Издательница по договору съ г. Баталинымъ обязалась начать выпускъ журнала съ 1-го іюля.

Редакторомъ, по предложенію г. Кривенко, былъ представленъ А. С., утвержденный въ званіи „за отвѣтственнаго редактора".

Медовые мѣсяцы для журнала были очень не долги. Съ августа того же 1895 года уже начались недоразумѣнія между г. Кривенко и А. С. Потребовался пріѣздъ издательницы. Документальные слѣды этихъ недоразумѣній сохранились въ письмѣ А. С. къ С. Н. Кривенко отъ 17-го августа, въ которомъ были изложены условія участія г. С. въ журналѣ въ качествѣ отвѣтственнаго редактора. Въ немъ было выражено: „На меня вчерашній вечеръ (16 авг. 95 г.), какъ Вы знаете, произвелъ самое тяжелое впечатлѣніе, именно тѣмъ, что, явясь съ полнымъ желаніемъ соглашенія, я встрѣтилъ упреки, которыхъ никакъ не заслуживалъ. Вы же указывали на Ольгу Николаевну какъ на хозяйку дѣла, къ ней я и обратился со своими недоразумѣніями. А она упрекаетъ меня, зачѣмъ я потревожилъ ее, не пришелъ въ соглашеніе съ Вами? Зачѣмъ это?..."

„Нельзя ли намъ забыть пререканія и притомъ забыть сердечно, чтобы они и слѣдовъ не оставляли, и приняться за обсужденіе вопросовъ, исходя изъ status quo".

Не смотря на участіе, принятое потомъ издательницею въ умиротвореніи, тревожное состояніе продолжалось. Въ письмѣ отъ 6-го сентября 1895 г. уже выступаетъ на очередь вопросъ о перемѣнѣ редактора. А. С. пишетъ моей довѣрительницѣ: „Не мѣшало бы поставить дѣло въ условія, болѣе соотвѣтствующія тому положенію, въ которое оно встало между прочимъ и для попытки поставить у дѣла

редактора, не вынужденно-безучастнаго и совсѣмъ нерасположеннаго къ обозначившемуся типу журнала, какъ я, а человѣка ему близкаго. Не удастся, будемъ продолжать, пока въ терпежъ будетъ, какъ ненормальный союзъ". „Я прилагаю всѣ старанія вести дѣло безъ малѣйшихъ споровъ, не торопясь, не вынуждая, но увы— нельзя не глядѣть трезво на совершившійся внутренній разладъ и не думать, какъ изъ него выйти по-хорошему? Отъ этого разлада я глубоко страдаю..." „Филантропія—филантропіей, а идея—идеей".

Приведенная выписка изъ писемъ можетъ ознакомить довѣренныхъ „группы" съ первоначальными отношеніями г. Кривенко и издательницы къ журналу, а нижеслѣдующая выписка изъ письма А. С. удостовѣритъ, что veto на вмѣшательство издательницы въ литературную сторону дѣла не входило въ пресловутыя „первоначальныя условія".

А. С. по поводу повѣсти, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ 1895 года, пишетъ С. Н. Кривенко: „Всему есть мѣра...... четвертаго листа подписать не могу, даже если онъ отпечатанъ". „Ольга Николаевна вѣроятно пріѣхала—покажите ей: и она—я увѣренъ, только удивится, какъ подобныя вещи могутъ проскользнуть при двойной редакціи (Вашей и Скабичевскаго)".

„Нѣтъ, не такого журнала я ожидалъ. Не о такой первой книжкѣ мечталъ".

„Судя по тому, что напечатано изъ повѣсти, нельзя ручаться и за ея продолженіе, способное испортить окончательно и безъ того мало обѣщающія три книжки. Поэтому предложу Ольгѣ Николаевнѣ прямо выбросить всю повѣсть и замѣнить первые три листа чѣмъ-нибудь другимъ".

Повѣсть не была выкинута, но измѣненія, предложенныя А. С., которыя и издательница находила нужнымъ сдѣлать, были сдѣланы.

Затѣмъ, недоразумѣнія временно были улажены, но возвратъ ихъ былъ очень скорый и, на этотъ разъ, хотя и удалось продлить участіе А. С., на сентябрь и октябрь, но къ выходу ноябрьской книжки издательница должна была озаботиться приглашеніемъ редактора за отказомъ А. С. Представленъ на его мѣсто А. Н. Поповъ, состоявшій съ ноября 1895 по мартъ 1896 г. „за редактора". Утвержденіе А. Попова отвѣтственнымъ редакторомъ послѣдовало 13-го марта 1896 года.

Во все время съ ноября 1895 г. и до окончанія издательской дѣятельности довѣрительницы, редакторъ, присутствуя въ редакціонныхъ собраніяхъ и принимая нѣкоторое участіе въ составленіи книжекъ журнала, преимущественно обращалъ свой трудъ на ре-

гистрированіе хозяйственной стороны дѣла. Обращаю вниманіе именно на этотъ характеръ участія, такъ какъ все дѣло—не только литературная часть, но и часть финансовая (преимущественно расходы) находились въ главномъ завѣдываніи С. Н. Кривенко.

Имъ опредѣлялись размѣры гонораровъ сотрудниковъ *), смѣты по типографскимъ работамъ и все прочее. Такъ установилось дѣло; но документальныхъ слѣдовъ желающіе удостовѣриться не пріобрѣтутъ уже потому, что особенность распорядковъ была такова, что, напримѣръ: на выдачи денегъ никакихъ письменныхъ ордеровъ не давалось, разсчетные листы по удовлетворенію сотрудниковъ за статьи, напечатанныя въ книжкахъ, никогда не удостовѣрялись С. Н. Кривенко, и, по необходимости, контора почти исключительно должна была довольствоваться словесными распоряженіями и считать дѣйствіе правильно завершеннымъ, если со стороны кредитора не было возраженія. При возраженіи приходилось слѣдовать требованіямъ кредитора. Зачастую конторѣ не было извѣстно, кому подлежитъ выдачѣ извѣстная сумма, и до сихъ поръ имѣется счетъ долга журнала авторамъ неизвѣстнымъ.

Въ соотвѣтствіи съ хозяйственною частью, стояла и организація части литературной. О составѣ книжки узнавали какъ издательница, такъ и редакторъ въ большинствѣ случаевъ, когда уже книжка была готова для представленія въ цензуру. Кое-какой порядокъ обнаружился только съ осени 1896 г., въ началѣ второго года изданія, когда удалось общими усиліями намѣтить планъ и распредѣлить матеріалъ для первыхъ четырехъ книжекъ этого года.

О содержаніи и планѣ статей по внутреннимъ вопросамъ и по иностранному обозрѣнію никто, даже изъ ближайшихъ сотрудниковъ, не зналъ до выхода книжки.

Воздерживаясь отъ дальнѣйшаго описанія организаціи, для существа дѣла достаточно будетъ сослаться на письмо редактора г. Кривенко отъ 24-го декабря 1896 года, въ которомъ выяснено и то, что было, и то, чему быть не должно, если желать упроченія журнала.

---

*) Удовлетвореніе сотрудниковъ производилось полистно: за оригинальныя беллетр. произвед. 60—150 р.; переводн.—20—25 р.; статьи по библіографіи—80 р.; за прочія статьи—60—75 р.—По сч. редакторскихъ помѣсячно: г. Кривенко. 150, г. Скабичевскому 100, г. Поссе 50 по декабрь 1896 г., затѣмъ по 100 р. со времени посѣщенія ими редакціи три дня въ недѣлю. По счету безплатныхъ работъ отмѣчено: по сч. О. Н. П. 24 листа, по сч. случайныхъ сотрудниковъ 6 листовъ.

Могу утверждать, что какъ издательница, такъ и редакторъ въ полной мѣрѣ были одухотворены желаніемъ сдѣлать все отъ нихъ зависящее, чтобы привести дѣло въ порядокъ и установить его на прочныхъ основаніяхъ, и, только доведенные до сознанія непосильности такого труда, пришли къ убѣжденію въ необходимости отказаться отъ участія.

Первымъ предвареніемъ для г. Кривенко о такомъ возможномъ исходѣ было заявленіе издательницы въ августѣ 1896 года когда, возвратившись изъ деревни и едва оправившись отъ болѣзни, издательница, не видя расположенія г. Кривенко измѣнить положеніе дѣлъ, высказала предположеніе о закрытіи журнала и не рѣшалась объявлять подписки на 1896—1897 годъ.

Стоявшимъ близко къ дѣлу, въ томъ числѣ и редактору, вызванному по этому случаю 25 августа, казалось такое рѣшеніе не желательнымъ, и недоразумѣнія предполагалось устранить въ теченіе года, а если это не удастся, то передать журналъ.

Къ этому времени относится и предположеніе продать журналъ г-жѣ Разальонъ-Сашальской, предложенной г. Кривенко въ качествѣ издательницы,—но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ 16 авг. 1896 г. А. Н. Попову: „о своей неувѣренности въ томъ, что по домашнему своему положенію и здоровью она, г-жа Сашальская, въ состояніи будетъ оказать эту услугу“.

Довѣрительница моя ничего не имѣла противъ передачи журнала г-жѣ Сашальской, такъ какъ всѣ обязательства по подпискѣ перваго года изданія могли быть ею выполнены безъ затрудненій; къ выпуску оставались двѣ книжки Августъ и Сентябрь, и отъ участія въ обязательствахъ второго года она, съ передачею г-жѣ Сашальской, освобождалась.

Вопросъ о передачѣ журнала г-жѣ Сашальской, возникшій передъ началомъ второго года, впослѣдствіи какъ-бы, по молчаливому соглашенію сторонъ, самъ собою сошелъ съ очереди и къ нему уже никто не возвращался съ 1-го октября до критическаго періода, въ который вступилъ журналъ во второй половинѣ января 1897 года.

Документально устанавливаю, что послѣ краткаго періода затишья недоразумѣнія начали возникать вновь съ половины ноября 1896 года. Говорю объ инцидентѣ между издательницею и Л. Е. Оболенскимъ, по поводу рецензіи на книгу „Философія дѣйствительности“ изданіе М. М. Филиппова. Здѣсь для насъ имѣетъ значеніе отношеніе г. Кривенко по этому случаю къ сторонамъ, между которыми возникло недоразумѣніе. Издательница свой проектъ

письма г. Оболенскому предъявила С. Н. Кривенко. Онъ его не одобрилъ и замѣнилъ своимъ, который былъ переписанъ издательницей и отправленъ Л. Е. О. *).

Въ этомъ письмѣ г. Кривенко отъ лица издательницы высказано между прочимъ слѣдующее:

„Рецензію написали Вы (Л. Е. О.), а выругали письменно меня (издательницу). Надѣялась, что Вы или редакція примете какія-либо мѣры, чтобы по крайней мѣрѣ мое имя не волочилось въ газетахъ, какъ какой-то коммерческой предпринимательницы и торговки, но это сдѣлано не было“. „Я Вамъ сказала въ редакціи не о неправильности рецензіи, а просто о чувствѣ нравственной боли, какое незаслуженно испытала“. „Неужели я не могу имѣть такого минимальнаго желанія, чтобы мое имя не волочилось въ газетахъ“. „Недѣля“ прямо написала на насъ пасквиль, и никто противъ этого не считалъ нужнымъ печатно заявить“.

Когда г. Кривенко излагалъ проектъ письма къ Л. Е. О., то, надо предполагать, для него было ясно отношеніе О. Н. П. какъ издательницы къ журналу; въ то время онъ вѣроятно держался мнѣнія, что нехорошо „волочить имя издательницы по газетамъ“, а также, что издательница имѣла основаніе войти въ оцѣнку безучастія и сотрудниковъ и редакціи, этихъ „никто“, отъ которыхъ ожидалось заступничество за журналъ.

Изъ дальнѣйшаго изложенія мы увидимъ, что г. Кривенко не затруднился впослѣдствіи освѣтить образъ издательницы какъ передъ сотрудниками, такъ передъ Судомъ и обществомъ, какъ коммерсантки; счелъ полезнымъ, съ оговоркою „по настоятельному желанію сотрудниковъ“, поволочить имя издательницы въ газетахъ, а неудовольствіе за неотзывчивость сотрудниковъ и редакціи къ нападкамъ „Недѣли“ на „Новое Слово“ не безъ искусства положить въ основаніе своей проповѣди о гоненіи издательницы на гг. сотрудниковъ.

Посмотримъ теперь, что высказываетъ одинъ изъ гонимыхъ сотрудниковъ по поводу недоразумѣній, относящихся къ полемикѣ съ „Недѣлею“. Мысли Л. Е. Оболенскаго направлены къ отысканію корня недоразумѣній.

Въ письмѣ къ издательницѣ отъ 3-го января 1897 г. Оболенскій пишетъ:

*) При дачѣ на Судѣ показаній (засѣд. 2 мая) г. Оболенскій заявилъ, что этимъ извинительнымъ письмомъ удовлетворенъ не былъ и былъ очень удивленъ, что авторъ письма оказался г. Кривенко.

„Вы невольно вошли въ нашу среду и эта болѣзненная атмосфера захватила и Ваши нервы, которые, смѣю думать, вообще не были особенно крѣпки отъ болѣзни, пережитой Вами недавно. Все это я глубоко понималъ и знаете-ли—даже сочувствовалъ Вашему негодованію противъ меня: въ принципѣ оно прекрасно и благородно . . . . . Но былъ въ немъ одинъ элементъ, который, въ свою очередь, возбуждалъ мое негодованіе, хотя теперь я думаю, что я былъ не вполнѣ правъ: Вы просто забыли объ этомъ элементѣ, упускали его изъ виду, увлекаясь нравственной стороной дѣла. Элементъ этотъ состоитъ въ томъ, что Ваше положеніе въ журналѣ двойное: Вы въ немъ не только сотрудница и товарищъ, но и (волею судебъ) капиталистка". „Это-то и измѣняло всѣ отношенія". „Но, ради Бога, не подумайте, что я Васъ обвиняю: нѣтъ, я глубоко вѣрю, что Вы видѣли только одну сторону дѣла—Ваше моральное отношеніе къ нему, Ваше просто человѣческое негодованіе, а упускали изъ виду экономическое положеніе Ваше въ дѣлѣ. И я не виню Васъ; я Васъ вполнѣ понимаю: вѣдь Вы сами страстно, горячо любите это дѣло. Кто-же не преклонится передъ этимъ? Но судьба сдѣлала Васъ и богатой, и вотъ деньги, проклятыя деньги, безъ которыхъ одного шага нельзя ступить—вотъ гдѣ корень всей этой психологической путаницы, общаго разлада и общихъ страданій, въ которыхъ Вамъ досталась, конечно, самая крупная доля" *).

Довѣрительница моя „страстно, горячо любя дѣло, увлеклась только моральнымъ къ нему отношеніемъ" и, не имѣя ни съ чьей стороны предупрежденія, что лицамъ, занимающимъ „двойное положеніе", слѣдовало бы остерегаться вступать въ Союзъ русскихъ писателей, чтобы не создавать ни для себя, ни для кого другого „психологической путаницы"—отзывчиво отнеслась къ злобѣ дня и вступила въ Союзъ въ числѣ учредителей.

Послѣ инцидента съ Л. Е. Оболенскимъ возможно было предусмотрѣть, что катастрофа близка. Въ первой половинѣ декабря редакторъ обратился къ г. Кривенко съ просьбою отвести время для обсужденія положенія и 9-го декабря, передъ выѣздомъ на губернское земское собраніе, не видя расположенія г. Кривенко переговорить о дѣлѣ, заявилъ, что онъ считаетъ необходимымъ предварить, что не можетъ принимать никакой отвѣтственности при

*) Г. Оболенскій, по предъявленіи этого письма, заявилъ Суду, что если бы онъ зналъ, что г-жа Попова совершитъ такой поступокъ, какъ продажу журнала, то такого письма не написалъ бы (зас. 2-го мая 1897 г.).

томъ положенiи дѣла, которое сложилось въ журналѣ, и просилъ освободить его отъ званiя редактора.

Г. Кривенко предложилъ отсрочить переговоры до окончанiя рождественскихъ праздниковъ. Во время губернскаго земскаго собранiя, въ письмѣ отъ 16-го декабря г. Кривенко сообщилъ редактору, что издательницею предъявляются неосуществимыя требованiя. Эти требованiя изложены въ заявленiи гг. Абрамова и Скабичевскаго. Если отбросить допущенныя ими искаженiя, въ родѣ требованiя о „дежурствѣ“, чего никто, никогда и никому не предъявлялъ (такая форма просителями намѣренно избрана для затѣненiя противника), то въ общемъ изложенiе правильно, и сущность предложенiй издательницы передана вѣрно. Онѣ клонились къ тому, чтобы упорядочить организацiю журнала, а при невозможности достигнуть соглашенiя намѣчалась, какъ исходъ изъ затрудненiй, передача журнала г. Кривенко.

Не вѣдая непосредственныхъ сношенiй издательницы съ г. Кривенко, редакторъ долженъ былъ высказать свое мнѣнiе о положенiи дѣла, о возможныхъ исходахъ и исполнилъ это въ письмѣ къ г. Кривенко отъ 24-го декабря 1896 г.

Гг. Абрамовъ и Скабичевскiй въ своемъ заявленiи, упоминая объ этомъ письмѣ, говорятъ, что редакторъ какъ будто только ограничился выраженiемъ пожеланiя составить планъ организацiи, обязался его представить, но не представилъ, а, по возвращенiи, совершилъ крутой поворотъ противъ прежде высказанныхъ предположенiй.

Г. Кривенко, плохо удерживающiй въ своей памяти событiя, относящiяся до журнала, на этотъ разъ, не можетъ быть признанъ отвѣтственнымъ за невѣрную передачу того, что было, такъ какъ письмо могло быть прочтено составителемъ заявленiя.

Опасаясь затрудненiй отъ помѣщенiя здѣсь всего письма, дѣлаю изъ него наиболѣе существенныя извлеченiя.

Было высказано:

„Главная бѣда не въ частностяхъ, а въ общемъ. Суть недоразумѣнiй не въ вопросахъ: сколько разъ и кому въ какiе дни ходить въ редакцiонный центръ, на какiя группы дѣлить сотрудниковъ, распредѣляя ихъ на излюбленныхъ, и не любыхъ; какими способами облегчить Васъ отъ работъ, отвлекающихъ отъ дѣлъ болѣе важныхъ. Суть дѣла въ томъ, чтобы уловить такiя основныя положенiя организацiи, которыя упрочивали бы за дѣломъ, именуемымъ „Новое Слово“, предпринятымъ Вами совмѣстно съ Ольгою Николаевною, значенiе дѣла общественнаго“.

„Существуютъ взаимныя непониманія и отчужденность двухъ казалось бы одинаково заинтересованныхъ сторонъ достигла до того, что главному руководителю совершенно неинтересно значеніе матеріальной стороны дѣла, а издательница отстранена отъ того, что ей надлежитъ вѣдать и по части состава книгъ и тѣхъ обязательствъ, которыя возлагаются на нее рѣшеніями Вашими, относящимися до матеріаловъ, принятыхъ отъ авторовъ".

„Въ декабрѣ времени на обсужденіе трудностей не нашлось. Вы порѣшили переговорить послѣ праздниковъ. Подчинился этому, но не утаилъ отъ Васъ моего дѣйствительнаго намѣренія, моей просьбы объ увольненіи меня отъ званія редактора".

„Все производится съ весьма почтенными и благими намѣреніями, но какъ бы на счетъ Государственнаго Казначейства. Въ общемъ плывемъ безъ руля и безъ вѣтрилъ".

„Многія обязательства, лежащія на журналѣ и до сихъ поръ, не могутъ быть приведены въ извѣстность".

„Неясности и до сихъ продолжаются и могутъ привести издательницу въ весьма неудобныя положенія, помимо тратъ совсѣмъ безполезныхъ".

„Результатъ такой постановки дѣла предусмотрѣть легко—кто-либо кого-либо да потопитъ; а быть можетъ безъ всякой череды обѣ стороны пойдутъ ко дну одновременно".

„Видя нелады почти неустранимыя, мнѣ ничего не остается другого какъ послѣдовать примѣру А. С.".

„Праведнаго суда добиться трудно, а посему не домогаясь достигнуть недосягаемаго надо принять оборонительное положеніе и... отойти".

„Мой совѣтъ (издательницѣ) и былъ таковъ. Отказаться отъ производства за свой страхъ и за свой счетъ".

„Наилучшимъ исходомъ было-бы, если все дѣло вы приняли цѣликомъ въ свои руки съ уплатою стоимости, которая выразится по счетамъ къ моменту, который избранъ будетъ для передачи *)".

„Въ пріобрѣтеніи редактора тоже не можетъ быть затрудненій. Возможно и не выказывать большой торопливости и обождать формальной подачей отставки мѣсяцъ—другой".

„Во всякомъ случаѣ (передача) это первое наиболѣе вѣрное средство для устраненія неудовольствій и для сохраненія дѣла".

---

*) По возвращеніи узналъ отъ довѣрительницы моей, что требовать возмѣщенія затратъ она не желаетъ.

„Основныя положенія для разработки организаціи попытаюсь подготовить, но предъявлять ихъ будетъ умѣстно лишь тогда, когда съ Вашей стороны будетъ признано желательнымъ, что либо предпринять для замѣны радикальнаго средства предлагаемаго для исцѣленія недуга, насъ всѣхъ одолѣвающаго".

Вызовъ главнаго Управленія по дѣламъ журнала ускорилъ мое возвращеніе. Съ 30-го декабря, ежедневно посѣщая редакцію, ожидалъ какихъ-либо предложеній со стороны г. Кривенко, но для переговоровъ опять времени не находилось. Посѣщенія редакціи г. Кривенко становились все рѣже и рѣже. Положеніе дѣла требовало присутствія довѣреннаго издательницы ежедневно не менѣе пяти часовъ.

Выжидательному положенію былъ мною положенъ предѣлъ 7-го января, когда уже съ нѣкоторою настойчивостью пришлось высказать пожеланія о назначеніи срока для обсужденія дѣлъ журнала. Просьба эта была высказана въ присутствіи А. М. Скабичевскаго и это послужило поводомъ и его пригласить къ участію.

Обсужденіе сообща было конечно болѣе желательно, чѣмъ объясненіе глазъ на глазъ съ г. Кривенко, и такъ какъ въ редакціонный составъ входилъ съ февраля 1896 г. В. А. Поссе, то и ему было послано приглашеніе на 11-е января вечеромъ на совѣщаніе въ конторѣ журнала. Объ этомъ было сообщено С. Н. Кривенко.

Не мало былъ изумленъ, когда С. Н. Кривенко высказалъ, что приглашеніе г. Поссе онъ не имѣлъ въ виду. Существеннаго значенія это замѣчаніе однако не имѣло, такъ какъ г. Кривенко въ письмѣ отъ 9-го января говоритъ: „Если мы будемъ говорить о журналѣ исключительно какъ объ общественномъ дѣлѣ, то я рѣшительно ничего не буду имѣть противъ присутствія не только одного сотрудника, но даже хотя всѣхъ сотрудниковъ, а потому, разъ вы пригласили В. А. на субботу, то пусть это такъ и будетъ".

Обсужденіе положенія дѣла и не допускалось съ иной точки зрѣнія, какъ съ общественной, а потому совѣщаніе 11-го января состоялось въ полномъ составѣ редакціи. Присутствовали С. Н. Кривенко, А. М. Скабичевскій и В. А. Поссе. Представителемъ отъ издательницы былъ редакторъ А. Н. Поповъ.

Довѣреннымъ издательницы было заявлено г. Кривенко: что Ольга Николаевна Попова признаетъ невозможнымъ продолжать изданіе журнала, что она проситъ его принять журналъ и, отводя матеріальной сторонѣ, ея затратамъ на дѣло, мѣсто второстепенное, полагаетъ этимъ путемъ выйти изъ затрудненій, которыя она признала для себя непосильными.

Предложеніе г. Кривенко, сдѣланное довѣренному издательницы, стать издателемъ, было отклонено, относительно же исполненія имъ обязанности отвѣтственнаго редактора было подтверждено сдѣланное ранѣе заявленіе объ увольненіи.

Послѣ совѣщанія 11-го января г. Кривенко при письмѣ отъ 17-го января прислалъ довѣренному издательницы предложеніе, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ:

„Возможны", писалъ г. Кривенко—„слѣдующія разрѣшенія вопроса: или

1. „Соблюденіе основного первоначальнаго условія относительно невмѣшательства (издательницы) въ литературныя отношенія и литературную сторону дѣла".

„Измѣненіе въ первоначальномъ положеніи: ни Скабичевскій, ни я, ни сотрудники ничего не будутъ имѣть противъ того, чтобы Вы (А. Н. П.) вошли въ составъ редакціи, чтобы Вамъ принадлежало veto относительно статей щекотливыхъ въ цензурномъ смыслѣ".

2. „Продажа журнала на сторону".

„Разъ издательница не можетъ продолжать дѣла, то продажа журнала является, разумѣется, самымъ естественнымъ и краткимъ рѣшеніемъ вопроса".

3. „Если есть желаніе передать журналъ литературнымъ работникамъ, то и это можетъ быть сдѣлано".

Далѣе слѣдуютъ изложенія условій, относящихся до этого предложенія, и порядокъ, проектированный для возмѣщенія затратъ.

„И есть еще 4-й исходъ: это возможность вести журналъ при новомъ составѣ редакціи и сотрудниковъ. Кто знаетъ, можетъ быть такъ и лучше будетъ".

Ни о правахъ „группы", въ составъ которой г. Кривенко теперь вошелъ какъ жалобщикъ, ни о своихъ правахъ какъ представителя сотрудниковъ журнала онъ и 17-го января не заявляетъ. Въ п. 1 имъ выдвигается лишь „соблюденіе первоначальнаго условія относительно невмѣшательства (издательницы) въ литературныя отношенія и литературную сторону дѣла". Когда, кѣмъ было установлено такое условіе, было ли оно предъявлено издательницѣ, объ этомъ умалчивается, а приведенныя уже выше нами доказательства за первый періодъ журнала, за время редакторства А. С., могутъ напомнить и г. Кривенко, что veto, преподносимое имъ издательницѣ, „первоначально" не существовало, а появляется впервые передъ издательницей 17-го января 1897 г.

Гг. Абрамовъ и Скабичевскій существенное значеніе придаютъ п. 3 записки г. Кривенко, въ которомъ идетъ рѣчь по проекту

г. Кривенко о передачѣ журнала съ сохраненіемъ правъ собственности за издательницею до возмѣщенія сдѣланныхъ ею затратъ.

Моя довѣрительница, очутившись передъ четырьмя дверьми, открытыми ей заботливостью г. Кривенко для выхода изъ затрудненій, не только высказала готовность выскочить черезъ дверь № 3, но въ письмѣ г. Кривенко отъ того же 17-го января заявила ему: „Вы знаете мое желаніе передать журналъ въ Ваши руки, отказавшись отъ всѣхъ затраченныхъ на него денегъ. Я бы желала, чтобы это было извѣстно и другимъ Вашимъ товарищамъ, дабы не было ложнаго толкованія относительно моихъ пожеланій,—воспользоваться чужими руками".

Высказывая затѣмъ изумленіе относительно выраженнаго г. Кривенко въ п. 1 невмѣшательства, о чемъ „не было рѣчи съ самаго начала", во время пріобрѣтенія журнала, и приводя доводы, по которымъ тогда же не могло имѣть мѣсто иного соглашенія какъ только съ г. Кривенко, довѣрительница моя сочла лишь необходимымъ установить срочность соглашенія и письмо 17-го января заканчиваетъ такъ: „если Вы желаете получить журналъ, то сговоритесь съ г. Волькенштейномъ и срокъ можно поставить первое февраля, такъ какъ тогда А. Н. надо ѣхать въ Смоленскъ. Если же это не состоится, то я буду считать себя свободной отъ всѣхъ обязательствъ и продамъ журналъ въ другія руки".

Болѣе льготнаго, предупредительнаго и опредѣленнаго издательница сдѣлать не могла. Копія съ этого письма была препровождена и М. Ф. Волькенштейну, любезно принявшему посредничество въ переговорахъ по взаимному соглашенію сторонъ.

Выжидали отвѣта до 22-го января и не получая его, довѣренный издательницы обратился къ М. Ф. Волькенштейну съ просьбою: не сочтетъ ли онъ возможнымъ содѣйствовать скорѣйшему составленію письменнаго согласія г. Кривенко принять журналъ, которое могло бы быть выражено примѣрно въ такой формѣ: „Выражаю согласіе на пріобрѣтеніе права на изданіе журнала „Новое Слово". Принимаю на себя точно исполнить обязательства, лежащія на издательницѣ и редакціи передъ подписчиками по объявленіямъ о подпискѣ на второй годъ изданія „Новаго Слова" и передъ авторами за статьи, принятыя редакціею, и за статьи, которыя поступятъ по заказамъ, даннымъ издательницею и редакціей до 1-го февраля 1897 года. Сумма стоимости журнала, опредѣляемая по взаимному соглашенію сторонъ въ 00 р., будетъ мною выпла-

чена по мѣрѣ возможности въ сроки по моему усмотрѣнію. Расходы по совершенію акта продажи принимаю (я, С. К. или О. Н. П.). Договоръ долженъ быть совершенъ на изложенныхъ основаніяхъ нотаріальнымъ порядкомъ не позднѣе 3-го февраля 1897 года, въ конторѣ нотаріуса Борткевича, которому заказъ по подготовленію акта передаетъ О. Н. П. не позднѣе 1-го февраля 1897 года".

О возмѣщеніи тутъ было сказано лишь для того, чтобы придать сдѣлкѣ характеръ продажи, а не безвозмезднаго перехода права на изданіе.

Измѣненія въ редакціи съ сохраненіемъ существа допускались какія признаетъ нужнымъ г. Кривенко. Проектъ былъ врученъ лично М. Ф. Волькенштейну, которому на другой день довѣренный издательницы уже въ качествѣ отвѣтственнаго редактора написалъ:

„Предъявляя С. Н. Кривенко проектъ окончательнаго рѣшенія, будьте любезны не забыть опредѣлить и мои отношенія, которыя могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ":

1) „Мои обязанности по званію отвѣтственнаго редактора я обязуюсь выполнить при выходѣ февральской книжки, а затѣмъ буду считать себя свободнымъ отъ всѣхъ дѣлъ по редакціи.

2) На передачу хозяйственной части установить двухнедѣльный срокъ, дабы 15-го февраля и по этому отдѣлу освободиться.

Порядокъ передачи—время и проч. подробности по принятію С. Н. Кривенко счетовъ, имущества, конторы—предоставляю его усмотрѣнію. Передача можетъ быть сдѣлана ему лично или его довѣренному".

Черезъ два дня, 25-го января довѣреннымъ издательницы было получено письмо отъ г. Кривенко (передано Суду въ засѣданіи 29-го апрѣля), въ которомъ онъ проситъ подождать его отвѣта на сдѣланныя ему издательницею предложенія до вторника въ виду того, что онъ ожидаетъ отвѣта изъ Москвы. Въ тотъ же день 25-го января (суббота) довѣренный издательницы поспѣшилъ отвѣтить г. Кривенко, что не можетъ существовать никакихъ опасеній въ несоблюденіи конечнаго срока 1-го февраля, установленнаго издательницею для выжиданія окончательнаго отвѣта. Копія съ письма издательницы отъ 17-го января, въ которомъ опредѣленъ былъ конечный срокъ для переговоровъ, была передана М. Ф. Волькенштейну и поэтому не можетъ быть сомнѣнія въ соблюденіи условія. И такъ какъ до 1-го февраля остается шесть дней, то и объ отсрочкѣ до 28-го января (вторникъ) говорить излишне. Г. Кривенко этимъ повидимому удовлетворился; возраженія на это письмо съ его стороны не было. Въ своихъ показаніяхъ на судѣ, послѣ ряда на-

водящихъ вопросовъ, предложенныхъ членомъ суда г. Манасеинымъ, онъ, г. Кривенко, уже обнаружилъ колебаніе и допускалъ возможность иного толкованія. Быть можетъ, говоря объ отсрочкѣ въ субботу (25-го января), онъ имѣлъ въ виду не вторникъ 28-го января, а вторникъ слѣдующій—4-го февраля,—таково было мнѣніе г. Кривенко, высказанное 29-го апрѣля *).

Срокъ ожидаемаго г. Кривенко отвѣта изъ Москвы миновалъ и 29-го января довѣренному издательницы прислано М. Ф. Волькенштейномъ полученное имъ отъ г. Кривенко предложеніе: „передать О. Н. и А. Н. Поповымъ слѣдующій отвѣтъ на выраженное ими желаніе передать „Новое Слово" мнѣ (г. Кривенко)".

Въ первой половинѣ письма г. Кривенко до существа дѣла относится только высказываемыя имъ соображенія относительно необходимости остаться редакторомъ, теперь состоящему въ этомъ званіи, А. Н. Попову, впредь до утвержденія новаго редактора, затѣмъ во второй части слѣдуютъ по пунктамъ основанія, на которыхъ г. Кривенко соглашался заключить договоръ.

Подлинникъ представленъ Суду, и здѣсь мы приведемъ условія въ сжатомъ видѣ.

п. 1. Г. Кривенко выражаетъ согласіе выполнить обязательства издательницы передъ подписчиками и сотрудниками.

п. 2. Заключаетъ въ себѣ предположенія о порядкѣ возмѣщенія тратъ, произведенныхъ на журналъ за время издательства О. Н. Поповой.

п. 3. Объ оставленіи залога въ распоряженіи журнала до января 1898 г.

п. 4. О передачѣ журнала на имя г-жи Разальонъ-Сашальской или г. Офросимова.

п. 5, 6 и 7. Касаются случаевъ прекращенія журнала по цензурнымъ и другимъ причинамъ и перехода журнала на случай смерти г. Кривенко.

Въ письмѣ, при которомъ были посланы эти условія г. Кривенко, сказано: „Если что-либо неладно въ моемъ проектѣ, то измѣняйте (М. Ф. Волькенштейнъ), въ видахъ большей гарантіи обѣихъ сторонъ, но имѣйте въ виду, что имущества у меня нѣтъ никакого, а остаться передъ кѣмъ-нибудь неоплатнымъ должникомъ и не оправдать довѣрія я не хочу. Лучше отъ журнала откажусь,

*) Въ засѣданіи 7-ое мая документально, по письму г. Кривенко г. Волькенштейну, установлено, что онъ, говоря „подождите", имѣлъ въ виду 28-ое января, а не 4-ое февраля.

и пусть они его продаютъ (письмо С. Н. Кривенко г. Волькенштейну 29-го января 1897 г. *).

Интересно было бы знать, рядомъ какихъ наводящихъ вопросовъ можно бы было довести г. Кривенко и въ этомъ случаѣ до отрицанія имъ высказаннаго. Трудно допустить, что онъ, высказываясь столь опредѣленно, вовсе не имѣлъ въ виду признавать за издательницею правъ (матеріальныхъ и иныхъ) на отчужденіе журнала?

Гдѣ же „группа"? или она подразумѣвалась?

Моя довѣрительница не имѣла ничего возразить ни противъ одного изъ пунктовъ, кромѣ п. 4. Вопросы матеріальныя для нее не представлялись существенно важными—лишь бы скорѣе освободиться отъ издательства, она не имѣла повода и послѣ долгихъ ожиданій отвѣта измѣнить высказанное ею въ письмѣ 17-го января—передать журналъ, отказавшись отъ всѣхъ затраченныхъ ею денегъ. Вопросъ о залогѣ тоже не могъ служить преградою—издательница охотно соглашалась на оставленіе залога отвѣтственнымъ и по переходѣ журнала г. Кривенко. Но она не могла согласиться на передачу журнала г-жѣ Разальонъ-Сашальской или Офросимову, не зная, на сколько г-жа Разальонъ-Сашальская или г. Офросимовъ могутъ выполнить передъ подписчиками обязательства. Въ довершеніе всего оказывалось, что г-жа Разальонъ-Сашальская отсутствовала, довѣренности отъ нея на пріобрѣтеніе журнала не было. Все сводилось поэтому на кандидатуру г. Офросимова, на лицо, издательницѣ совсѣмъ неизвѣстное со стороны матеріальной обезпеченности. Затѣмъ, помимо различныхъ осложненій, которыя всегда возникаютъ изъ сдѣлокъ фиктивныхъ, отсутствіе документальныхъ данныхъ о передачѣ журнала именно г. Кривенко могло служить поводомъ для обвиненій подобныхъ настоящему, и для огражденія отъ неудовольствій потребовалось бы составлять дополнительный договоръ, который удостовѣрялъ бы, что сдѣлка на третье лицо совершена съ вѣдома и согласія г. Кривенко; наконецъ предложеніемъ о передачѣ г-жи Разальонъ-Сашальской замедлялась и самая передача, что опять составляло для издательницы весьма важное условіе.

Но кто же могъ сдѣлать помѣху г. Кривенко осуществить его

*) Ни о какихъ тысячахъ, собранныхъ и имѣющихъ поступить для оплаты стоимости журнала, ни въ письмѣ, ни въ условіяхъ не упоминалось (см. заявл. Абрамова и Скабичевскаго о 20 и 25 т.).

Въ засѣд. 29-го апр. на вопросы: было ли имъ, г. Кривенко, сообщено издательницѣ о 20 т., собранныхъ на журналъ, г. Кривенко отвѣчалъ: „не помню".

желаніе сдѣлать собственникомъ журнала г-жу Разальонъ-Сашальскую, г. Офросимова или кого-либо третьяго. Ставя кореннымъ условіемъ передачу журнала г. Кривенко, для огражденія себя отъ всякихъ кривотолковъ, издательница не имѣла въ виду предлагать какія-либо ограниченія на будущее время, тѣмъ болѣе, что сомнѣвалась даже въ возможности ставить какія-либо ограниченія пріобрѣтателю въ его правѣ на передачу журнала послѣ заключенія акта купли-продажи.

Г. Кривенко, проявляя настойчивость въ томъ, чтобы договоръ не былъ заключенъ на его имя, быть можетъ, имѣлъ въ виду корректность своего поведенія относительно сотрудниковъ, но упустилъ изъ виду, что издательницѣ тоже не чуждо чувство самосохраненія, которое, по ея мнѣнію, могло быть только удовлетворено путемъ корректности, чему отвѣчала передача журнала г. Кривенко и никому другому.

Къ тому же всѣ шансы на проявленія всякаго неудовольствія были не на сторонѣ моей довѣрительницы. Вступая въ союзъ русскихъ писателей она знала, что двойственность ея положенія (положенія издательницы-писательницы), отмѣченная г. Оболенскимъ, можетъ смутить и другихъ членовъ союза, недопускающихъ предвзято никакихъ соглашеній между интересами издателя и писателя.

Обращаясь затѣмъ къ предложенію г. Кривенко относительно редактора, скажемъ, что возвращаться къ нему г. Кривенко и не слѣдовало бы. Мною уже было заявлено въ письмѣ М. Ф. Волькенштейну о срокѣ, до котораго выражаю согласіе исполнять обязанности, а продленіе своихъ обязательствъ на неопредѣленное время— „до утвержденія новаго редактора“—не допускалъ. Опытъ уже намъ показалъ, что на утвержденіе редактора потребовалось около полугода, обрекать же себя на столь продолжительныя терзанія рѣшимости не имѣлъ.

Мнѣніе издательницы на отвѣтъ г. Кривенко стало извѣстнымъ г. Волькенштейну 30-го января изъ разговора при случайной его встрѣчѣ съ издательницей. Въ тотъ же день довѣренный издательницы былъ у г. Волькенштейна съ цѣлью выяснить какъ надлежитъ понимать предложеніе г. Кривенко 29-го января въ виду извѣстнаго ему, какъ посреднику, категорическаго заявленія издательницы: передать журналъ г. Кривенко и срочности, поставленной редакторомъ относительно его обязанностей.

Г. Волькенштейнъ былъ того же мнѣнія, какъ и довѣренный

издательницы, что отвѣтъ г. Кривенко нельзя иначе понимать, какъ за несогласіе принять журналъ.

Вслѣдъ за симъ рѣчь зашла о томъ, въ какомъ же положеніи будетъ находиться журналъ за несостоявшимся соглашеніемъ, и мнѣ предложенъ былъ вопросъ, имѣется ли что-либо противъ дальнѣйшаго участія сотрудниковъ въ журналѣ. На это было отвѣчено, что ни издательница, ни редакторъ ничего противъ этого не имѣютъ; но, признавая соглашеніе несостоявшимся, просилъ г. Волькенштейна сообщить г. Кривенко, что моя довѣрительница считаетъ себя вправѣ теперь передать журналъ въ другія руки.

Въ письмѣ отъ 31-го января г. Кривенко на имя М. Ф. Волкенштейна было выражено, что: „въ виду того, что у насъ все приняло письменный характеръ, хотѣлось бы мнѣ видѣть и это послѣднее предложеніе также въ письменномъ видѣ (хотя бы въ общихъ, основныхъ чертахъ), ибо каждый наемный человѣкъ долженъ знать, что онъ долженъ дѣлать, и можетъ ли исполнить то, что отъ него потребуется".

Выяснять отношенія на почвѣ—„найма" никто не предполагалъ. Довѣрительница моя придавала значеніе тому, что желательно для упорядоченія положенія дѣла составить проектъ соглашенія на время впредь до отчужденія журнала, и планъ былъ набросанъ, но предъявлять его уже не представлялось надобности, такъ какъ въ это время начала выясняться возможность освободиться отъ издательства.

4-го февраля моя довѣрительница получила предложеніе отъ г. Семенова и изъявила согласіе на условія, имъ предъявленныя.

Мы не въ правѣ объявлять условія, на которыхъ журналъ переданъ г. Семенову, но можемъ высказать лишь увѣренія, что журналъ переданъ на условіяхъ, матеріально болѣе обезпечивающихъ мою довѣрительницу въ отношеніи выполненія имъ обязательствъ передъ подписчиками и поэтому болѣе обременительныхъ сравнительно съ условіями, предложенными издательницею г. Кривенко *).

4-го февраля было только предварительное соглашеніе, окончательное рѣшеніе было поставлено въ зависимость отъ результатовъ поѣздки г. Семенова въ Москву. 8-го февраля г. Семеновъ, по возвращеніи изъ Москвы, изъявилъ готовность покончить дѣло и 12-го февраля состоялась сдѣлка по отчужденію моей довѣрительницею права на изданіе журнала „Новое Слово".

Все это происходило при самой обычной обстановкѣ. Никто не

*) Условія пріобрѣтенія объяснены г. Семеновымъ въ засѣд. 29-го апрѣля.

считалъ нужнымъ оглашать положеніе дѣла при трубныхъ звукахъ, но никто не былъ расположенъ сдѣлать изъ этого тайны... Кто интересовался знать, тотъ могъ получить свѣдѣнія безъ всякихъ затрудненій.

М. Ф. Волькенштейну 4-го февраля въ конторѣ редакціи было сообщено довѣреннымъ издательницы, что имѣется въ виду серіозное предложеніе о пріобрѣтеніи журнала, но теперь еще нельзя назвать лицо, такъ какъ дѣло находится еще въ положеніи условнаго соглашенія. 5-го февраля В. А. Поссе счелъ возможнымъ открыть г. Офросимову имя таинственнаго покупателя, не причинивъ этимъ огорченій ни издательницѣ, ни ея довѣренному, ни г. Семенову. 7-го февраля г. Кривенко узнаетъ въ Союзѣ отъ сотрудниковъ, что журналъ пріобрѣтенъ г. Семеновымъ отъ издательницы, что переговоры о продажѣ идутъ, но что рѣшенія окончательнаго еще не состоялось. 8-го февраля Л. Е. Оболенскій получилъ свѣдѣніе о дѣйствительномъ положеніи дѣла отъ довѣреннаго издательницы въ конторѣ журнала, и того же числа г. Семеновъ сообщилъ о рѣшеніи своемъ пріобрѣсти журналъ г. Кривенко въ присутствіи гг. Скабичевскаго и Оболенскаго. Издательница и ея довѣренный не положили преграды у своего домашняго очага даже любознательности г. Е. Максимова, который, по свидѣтельству жалобщиковъ, „по личному своему побужденію“ желалъ получить свѣдѣнія отъ гг. Поповыхъ.

Обо всѣхъ этихъ заключительныхъ моментахъ скорбной исторіи журнала „Новое Слово“ упоминается жалобщиками въ ихъ заявленіи.

Гдѣ же таинственность?

За періодомъ „таинственнымъ“ наступилъ періодъ демонстрацій противъ издательницы.

9-го февраля моя довѣрительница получила заявленіе, сущность котораго гласитъ слѣдующее: „Не вдаваясь въ оцѣнку дѣйствій, мы, нижеподписавшіеся, не можемъ не указать, что фактъ переговоровъ издателя о продажѣ журнала безъ вѣдома приглашенной имъ редакціи означаетъ не только полное пренебреженіе къ личности сотрудниковъ, врядъ ли допустимое даже въ исключительно коммерческихъ отношеніяхъ, но также и пренебреженіе къ общественному значенію „Новаго Слова“ и къ той идеѣ, которой мы всѣ служили. При такихъ условіяхъ мы, завѣдующіе редакціей, вмѣстѣ съ приглашенными нами ближайшими сотрудниками, считаемъ себя вынужденными выйти изъ журнала и нравственною обязанностью въ видахъ снятія съ себя хотя части литературной

отвѣтственности передъ читателями, заявить объ этомъ въ газетахъ непосредственно по прекращеніи нашего фактическаго участія въ журналѣ, т. е. по заключеніи февральской книжки, гдѣ идутъ еще наши статьи".

Заявленіе подписано А. М. Скабичевскимъ и г. Кривенко.

13-го февраля въ № 7531 „Новаго Времени" заявили о выходѣ изъ состава сотрудниковъ „Новаго Слова": А. Скабичевскій, В. Яроцкій, Вас. Немировичъ-Данченко, К. Станюковичъ, В. Тимирязевъ, К. Тимирязевъ, В. В., С. Кривенко, Н. Рубакинъ, Я. Абрамовъ, С. Щепотьевъ, Л. Оболенскій.

Забота о числѣ подписей затмила память гг. Станюковича и Щепотьева *), которые за все время существованія журнала не дали ни одной статьи и тѣмъ не менѣе причислили себя къ „ближайшимъ сотрудникамъ". Для приданія заявленію оттѣнка личнаго, чтобы посчитаться и съ издательницей, уже въ то время передавшей журналъ, не забыли упомянуть, что вся эта группа состояла ближайшими сотрудниками „со времени перехода журнала въ 95 г. г-жѣ О. Н. Поповой".

Въ этомъ заявленіи г. Кривенко отвелъ для себя седьмое мѣсто.

Изъ чувства ли скромности или по другимъ соображеніямъ, но характерно, что въ рѣшительные моменты мы не видимъ г. Кривенко во главѣ группы. Въ этомъ онъ послѣдователенъ и вѣроятно та же побудительная причина заставляетъ его стать свидѣтелемъ, что тѣмъ болѣе для него удобно, что при этомъ онъ не утрачивалъ правъ обвинителя.

Моя довѣрительница не была расположена излагать свои чувства въ формѣ писемъ въ редакціи газетъ. Вниманіе ея было обращено на дѣловую сторону, и въ ближайшей мартовской книгѣ журнала она считала своею обязанностью заявить о ея готовности возвратить подписныя суммы тѣмъ изъ гг. подписчиковъ, которые, вслѣдствіе свершившихся перемѣнъ въ составѣ сотрудниковъ, пожелали бы прекратить полученіе журнала.

Этотъ случай даетъ новый поводъ „поволочить" издательницу въ газетахъ.

3-го апрѣля въ „Новостяхъ" въ отдѣлѣ „Письма въ редакцію" появилось письмо за подписью Кривенко, написанное имъ по „настоятельному желанію прежнихъ сотрудниковъ".

*) Разница въ отношеніяхъ къ журналу гг. К. Станюковича и С. Щепотьева та, что г. Станюковичъ въ началѣ перваго года изданія получилъ авансъ (до сихъ поръ имъ не возвращенный) и ничего не далъ журналу, а г. С. Щепотьевъ никакихъ авансовъ не получалъ.

Въ немъ г. Кривенко изложилъ исторію перехода журнала по тѣмъ матеріаламъ, которыми снабдилъ гг. Абрамова и Скабичевскаго для составленія ихъ заявленія въ судъ. Оставляя читателя въ недоумѣніи, почему онъ, г. Кривенко, не воспользовался предложеніемъ принять журналъ, имѣвшій достаточный успѣхъ, судя по числу расходившихся экземпляровъ, онъ заканчиваетъ письмо тономъ, напоминающимъ игривый фельетонъ г. Old Gentleman въ „Новомъ Времени", посвященный „Новому Слову". „Неужели", говоритъ г. Кривенко, „она (издательница) предполагала передать насъ вмѣстѣ съ обложкой? Журналъ не населенное имѣніе, да теперь и имѣнія съ населеніемъ не продаются".

Полагаю, многіе согласятся, что игривость г. Кривенко не соотвѣтствовала серіозности совершившагося и, въ виду его намѣренія обратиться за разрѣшеніемъ вопроса къ суду, была и неумѣстна. Но главная цѣль г. Кривенко—„поволочить" имя издательницы въ газетахъ—несомнѣнно была достигнута.

Какъ это все гармонируетъ съ тѣмъ, что онъ проектировалъ въ письмѣ издательницы къ г. Оболенскому, гдѣ проявилъ столько тонкости чувствъ, выясняя г. Оболенскому, что волочить имя издательницы въ газетахъ нехорошо.

То, что было нехорошо тогда, 15-го ноября 96 г., скажетъ г. Кривенко въ разъясненіе недоумѣнія, можетъ быть оправдано теперь, къ тому же, это предпринято не мною, а я только исполняю „по настоятельному желанію прежнихъ сотрудниковъ".

Періодъ демонстрацій необходимо дополнить еще письмомъ А. М. Скабичевскаго, имѣющаго значеніе для выясненія, съ кѣмъ, по его мнѣнію, онъ имѣлъ дѣло, и для разъясненія того обстоятельства, почему желаніе г. Скабичевскаго о передачѣ литературному фонду 700 руб. самъ онъ сдѣлалъ невыполнимымъ.

Въ письмѣ отъ 12-го февраля г. Скабичевскій устанавливаетъ первымъ положеніемъ: „Васъ (издательница) я совсѣмъ не знаю". Вѣроятно это незнаніе можно обобщить ко всему періоду его сотрудничества, такъ какъ „Ваши отношенія къ сотрудникамъ", продолжаетъ г. Скабичевскій, „съ самыхъ первыхъ дней веденія журнала глубоко меня возмущали". Черезъ это „Васъ я не знаю" сквозитъ и „не желалъ знать". Спрашивается, какимъ же образомъ г. Скабичевскій причисляетъ себя „группѣ", для которой О. Н. Поповою пріобрѣтенъ журналъ? Онъ не знаетъ издательницу, знаетъ только г. Кривенко, онъ возмущается съ первыхъ дней сотрудничества отношеніями ея къ сотрудникамъ и это не затрудняетъ его приписаться къ группѣ, изъ которыхъ главная часть дѣйстви-

тельно состояла изъ того кадра, который остался не у дѣлъ послѣ раскола въ „Русскомъ Богатствѣ", но г. Скабичевскій къ этому кадру причисленъ быть не можетъ, такъ какъ въ „Русскомъ Богатствѣ" не сотрудничествовалъ.

Мы опускаемъ изъ письма г. Скабичевскаго все, что по условіямъ приличія не принято излагать публично, и перейдемъ къ концу письма. „Вы", говоритъ г. Скабичевскій, „какъ передавалъ мнѣ г. Волькенштейнъ, предлагаете намъ какую-то унизительную подачку". „Или вы это дѣлаете изъ чувства своей неправоты передъ нами, желая усыпить деньгами укоры Вашей совѣсти? Если это такъ, то я съ своей стороны предоставляю Вамъ опредѣленные на мою долю 700 рублей (по 100 руб. съ марта по сентябрь) пожертвовать въ литературный фондъ или состоящую при немъ похоронную кассу".

Представьте же, г. Скабичевскій, что никакихъ укоровъ совѣсти нѣтъ, имѣется въ наличности лишь сознаніе своей правоты, полная убѣжденность въ томъ, что все было выполнено для сохраненія журнала за г. Кривенко.—Какъ быть при этихъ условіяхъ душеприказчикамъ по завѣщанію вашему?

Засимъ мы вступаемъ уже въ періодъ судебный.

Послѣ восьминедѣльныхъ размышленій 12-го апрѣля было порѣшено „группою" предъявить въ Судъ чести, состоящій при Союзѣ русскихъ писателей, обвиненіе противъ моей довѣрительницы за отсутствіе у ней четырехъ „нравственныхъ основаній".

Гг. Абрамовъ и Скабичевскій, „по уполномочію группы писателей работавшихъ въ журналѣ „Новое Слово", обвиняютъ бывшую издательницу журнала О. Н. Попову въ томъ, что она, издательница:

1. Распространяя журналъ въ 3 тыс. экземпляровъ, не имѣла „нравственнаго основанія" продать журналъ не предложивши сотрудникамъ взять его на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ онъ проданъ г. Семенову.

2. Не имѣла „нравственнаго основанія" скрывать отъ работавшей въ журналѣ группы писателей свое намѣреніе продать журналъ.

3. Не имѣла „нравственнаго основанія" продавать журналъ, созданный работами людей одного направленія, людямъ совсѣмъ другого направленія.

4. Не имѣла „нравственнаго основанія", завязавъ переговоры съ г. Кривенко о передачѣ ему журнала и назначивъ срокъ для окончанія переговоровъ, будучи недовольна предложенными

условіями и не сдѣлавъ желательныхъ ей поправокъ, приступить къ передачѣ журнала въ другія руки".

По общественному значенію выступаетъ обвиненіе, поставленное жалобщиками на третье мѣсто.

Г. Абрамовъ при чтеніи этого пункта къ изложенному имъ въ заявленіи добавилъ, что журналъ перешелъ къ людямъ направленія „прямо противоположнаго".

Г. Кривенко въ своемъ показаніи, данномъ на Судѣ 29-го апрѣля, опредѣлилъ направленіе, принятое составомъ новой редакціи журнала „Новое Слово" такъ: „Не катковское, но защищающее буржуазію".

Вопросъ о направленіи можетъ вызвать академическую бесѣду и все-таки не разрѣшить главнаго, ближайшаго—вѣрно ли мнѣніе обвинителей, противополагающихъ направленіе бывшее существующему, лишь на основаніи двухъ книжекъ журнала, вышедшихъ подъ новою редакціею.

Какое же значеніе редакція прежняго состава отводила вопросу о направленіи можно отчасти оцѣнить, да и самое направленіе опредѣлить послѣдующимъ обстоятельствомъ:

Г. Кривенко въ добавочномъ показаніи на Судѣ (засѣд. 29-го апр.) объяснилъ, что онъ считаетъ г. Абрамова цѣннымъ сотрудникомъ. Забудемъ на время о томъ, что другимъ свидѣтельскимъ показаніемъ это показаніе поколеблено, сообщеніемъ, что предполагалось нежелательнымъ участіе г. Абрамова въ качествѣ постояннаго сотрудника въ виду его участія въ органахъ, не сочувствующихъ направленію „Новаго Слова", и прошу Судъ выслушать мнѣніе Н. В. Шелгунова, высказанное по адресу г. Абрамова въ его статьѣ, вошедшей въ составъ полнаго собранія сочиненій т. 3 „Очерки Русской Жизни".

Приведемъ выписки со страницъ 850 и 851.

„Журнальная дѣятельность Абрамова отличается характерною особенностью. Прежде всего, она замѣчательно плодовита и энергична. Вторая ея особенность въ той кажущейся безразличности, съ которой г. Абрамовъ принимаетъ участіе во всѣхъ почти безъ исключенія органахъ печати, кромѣ крайней правой. Онъ началъ съ журнала „Слово" въ 1881 г. Съ середины этого же года дѣлается постояннымъ сотрудникомъ „Отечест. Запис." Участвуя въ „Отеч. Записк." онъ работалъ въ „Устояхъ" и „Дѣлѣ".—Когда „Отеч. Записки" были въ 1884 г. закрыты, г. Абрамовъ вступилъ въ статистическое бюро при петербургской земской управѣ, гдѣ тоже обнаружилъ весьма плодовитую и энергическую дѣятель-

ность. Но съ 1885 г. онъ снова возвращается къ журналистикѣ и участвуетъ въ „Наблюдателѣ“, въ „Дѣтскомъ Чтеніи“, въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, въ „Недѣлѣ“, въ которой съ того же 1885 г. принимаетъ постоянное участіе и „составляетъ для каждаго № передовыя и отдѣльныя статьи по внутреннимъ и научнымъ вопросамъ“. Наконецъ, „неутомимый публицистъ за 6 лѣтъ своей литературной дѣятельности помѣстилъ еще рядъ статей въ „Русскомъ Курьерѣ“, „Московскомъ Телеграфѣ“, „Терекѣ“, „Тифлисскомъ Вѣстникѣ“, „Новомъ Обозрѣніи“, „Экономическомъ Журналѣ“ и приготовилъ много объемистыхъ статей для „Живописной Россіи“. Это, конечно, не всѣ изданія, въ которыхъ участвовалъ г. Абрамовъ, потому что свѣдѣнія отъ него получены „Словаремъ“ до 1886 г., а теперь 1889 г.

„Кажущаяся безразличность г. Абрамова относительно направленія органовъ печати и та легкость, съ которою онъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ „Отечественныхъ Записокъ“ становится постояннымъ сотрудникомъ „Недѣли“, журналовъ, мало сходныхъ и въ общихъ воззрѣніяхъ, и въ подробностяхъ, объясняется просто тѣмъ, что „фракція новѣйшей русской интеллигенціи“ (какъ выражается „Критико-библіографическій Словарь“ С. А. Венгерова), къ которой принадлежитъ г. Абрамовъ, не придаетъ особеннаго значенія общественно-политическому движенію мысли и отодвигаетъ его на второй планъ. Считая главною первою своею задачей практическую дѣятельность на помощь народу, „фракція“ эта соприкасается своею программой съ программой любаго изданія, не исключая, пожалуй, „Гражданина“, ибо „народъ“, „помощь народу“, „изученіе положенія народа“ есть общая программа всей русской печати, слѣдовательно писатели этой фракціи могутъ безъ всякихъ упрековъ въ непослѣдовательности считать себя сотрудниками всей русской печати“.

Нельзя сказать, чтобы моя довѣрительница съ полнымъ безразличіемъ относилась къ участію въ журналѣ г. Абрамова, который былъ и ей извѣстенъ по своей литературной дѣятельности. Свое мнѣніе она неоднократно выражала г. Кривенко, но это не принималось г. Кривенко во вниманіе и не послужило преградою дальнѣйшаго сотрудничества г. Абрамова. На этого рода помѣхи повидимому г. Кривенко обращалъ не особенно много вниманія и дѣлалъ, что желалъ дѣлать.

Къ такого же рода помѣхамъ со стороны издательницы, возведенныхъ на степень гоненій на сотрудниковъ, относится и принципіальный вопросъ о нежелательности имѣть общихъ сотрудниковъ

съ органами, явно враждебными журналу „Новое Слово", возбужденный по поводу столкновеній съ „Недѣлею". Въ возбужденіи принципіальнаго вопроса принимала участіе и моя довѣрительница.

Мнѣніе постояннаго сотрудника журнала Л. Е. Оболенскаго, до котораго ближайшимъ образомъ касалось дѣло, уже извѣстно.— Г. Оболенскій высказалъ сочувствіе негодованію издательницы. Далѣе онъ говоритъ: „въ принципѣ оно прекрасно и благородно... Но" и пр.—И послѣ другого „но" слѣдуютъ не менѣе цѣнныя коментаріи — „и вотъ деньги, проклятыя деньги, безъ которыхъ одного шагу нельзя ступить — вотъ корень этой психической путаницы".

Вообще принципамъ въ журналѣ „Новое Слово" при прежней редакціи не везло. Моя довѣрительница находила, напримѣръ, непослѣдовательнымъ, что лица, служащія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, принимаютъ участіе въ журналѣ статьями по общественнымъ вопросамъ; но разсужденія по принципамъ выслушивались, а никакихъ уступокъ не дѣлалось. Все шло по желанію г. Кривенко, который тоже въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ принципами соглашался, но не находилъ возможнымъ согласовать съ ними дѣйствій.

На судѣ свидѣтельскими показаніями желали выяснить, была ли знакома моя довѣрительница съ оттѣнками журнальныхъ направленій; могла ли она, судя по статьямъ экономическаго содержанія, помѣщаемымъ въ журналѣ, судить о направленіи его по экономическимъ вопросамъ; но, насколько было замѣтно, опредѣленнаго мнѣнія по этому предмету не составилось. По общему вопросу о различіи въ направленіяхъ журнала при прежней и новой редакціи было установлено при участіи Н. К. Михайловскаго, приглашеннаго въ качествѣ эксперта, что различіе существуетъ и подтверждается полемическими статьями *); но кромѣ г. Кривенко ни съ чьей стороны не было высказано, какое именно направленіе принялъ журналъ при новомъ составѣ редакціи. Только г. Кривенко, какъ уже приведено выше, опредѣленно указалъ, что

*) Н. К. Михайловскій въ томъ же засѣданіи, 7 мая, высказалъ мнѣніе и по существу дѣла.

Передачу журнала лицамъ другого направленія г. Михайловскій призналъ неправильнымъ дѣйствіемъ, но совершеннымъ при обстоятельствахъ уменьшающихъ вину моей довѣрительницы.

Полагаю, что такая предупредительность со стороны Н. К. Михайловскаго не могла входить въ кругъ дѣйствій экспертизы.

„Новое Слово“ при новой редакціи имѣетъ задачею защищать буржуазію.

Словомъ, вопросъ о направленіи журнала при старой и новой редакціи повидимому не удалось освѣтить свѣтомъ истины.

Предоставимъ редакціи журнала новаго состава высказаться, исповѣдуетъ ли она свое направленіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ обрисовалъ его г. Кривенко, является ли теперь „Новое Слово“ органомъ буржуазіи. Скажемъ только одно—въ вышедшихъ книжкахъ (мартъ, апрѣль 97 г.) мы этого не видимъ.

Въ чемъ же однако моя довѣрительница погрѣшила въ смыслѣ направленія?

Развѣ въ одномъ: дѣйствуя какъ въ моментъ пріобрѣтенія журнала, такъ и въ послѣдующее время въ направленіи филантропическомъ (въ этомъ насъ удостовѣряютъ документы, относящіеся къ первому возрасту журнала), довѣрительница моя, придя къ сознанію, что она очутилась, по образному выраженію г. Оболенскаго, среди „болѣзненной атмосферы“ и среди „психологической путаницы“, возымѣла намѣреніе измѣнить это направленіе. Примиряясь съ потерею средствъ, затраченныхъ на журналъ, она лишь настаивала на томъ, чтобы г. Кривенко принялъ журналъ и этимъ актомъ оградилъ ее отъ любителей спорта по отдѣлу „письма въ редакцію“, которые могли бы при иной постановкѣ всегда имѣть возможность обвинить мою довѣрительницу въ томъ, что она воспользовалась трудами сотрудниковъ въ цѣляхъ корыстныхъ.

Въ отвѣтѣ на заявленіе г. Абрамова и Скабичевскаго издательница выразила: что за несостоявшимся соглашеніемъ съ г. Кривенко „я передала журналъ лицамъ, которыя, какъ я имѣла основаніе думать, будутъ имѣть въ виду при веденіи журнала исключительно общественный интересъ и держаться прогрессивнаго направленія“.

Просматривая двѣ книжки журнала, вышедшихъ подъ новою редакціей, каждый непредубѣжденный читатель согласится, что эти признаки могутъ быть найдены.—Редакція новаго состава до сихъ поръ не погрѣшила противъ интересовъ общественныхъ, не обнаружила и ретроградности.

А если это такъ, если г. Кривенко тоже остается при мнѣніи, что „Новое Слово“ при его участіи служило общественнымъ интересамъ и не было ретрограднымъ—то какая же надобность ставить пунктъ обвинительный о направленіи, тѣмъ болѣе противополагать одно другому.

Противоположенію нѣтъ мѣста, не можетъ быть и вопроса, имѣла ли издательница право сдѣлать то, что ею сдѣлано въ смыслѣ передачи журнала лицамъ направленія нежелательнаго въ интересахъ общественныхъ.

Три остающихся пункта обвиненія: 1, 2 и 4 составляютъ по существу одинъ; онъ относится исключительно до порядка передачи журнала и требуетъ признанія виновности моей довѣрительницы:

а) Въ томъ, что условія, предложенныя издательницею г. Кривенко, не были тождественны съ тѣми, на основаніи которыхъ журналъ перешелъ г. Семенову.

Условія пріобрѣтенія журнала Суду извѣстны. Не можетъ быть сомнѣнія, что эти условія, предложенныя, кстати сказать, моей довѣрительницѣ самимъ г. Семеновымъ, подтверждали лишь его кредитоспособность, поселяли увѣренность въ исполненіи имъ обязательствъ передъ подписчиками, и не могутъ быть признаны болѣе льготными, чѣмъ тѣ, которыя были предложены моей довѣрительницей г. Кривенко.

б) Въ томъ, что передача журнала сопровождалась таинственностью, „скрывали отъ сотрудниковъ".

Изъ заявленія гг. Абрамова и Скабичевскаго, изъ изложенія довѣреннымъ издательницы хода дѣла, изъ подтверждающихъ правдивость этого изложенія свидѣтельскихъ показаній, можно было убѣдиться, что никто никакой тайны изъ передачи журнала не дѣлалъ, да это было не въ интересахъ моей довѣрительницы, такъ какъ все вниманіе было обращено на скорѣйшее разрѣшеніе вопроса о прекращеніи журнально-издательской дѣятельности и по необходимости приходилось обращаться ко многимъ лицамъ съ предложеніями купить журналъ, разъ выяснилось, что г. Кривенко принять журналъ не желаетъ.

в) Въ томъ, что, будучи недовольна условіями предложенными г. Кривенко, издательница, „не сдѣлавъ поправокъ", приступила къ передачѣ журнала.

Какъ издательница, такъ и ея довѣренный не считали себя и призванными дѣлать поправки въ предложеніяхъ г. Кривенко.

Вѣдь нельзя же отрицать того, что подтверждается и письменными документами, и свидѣтельскими показаніями. Предложенія о принятіи журнала на извѣстныхъ уже суду условіяхъ были сдѣланы издательницею г. Кривенко и ожидался лишь отвѣтъ: да,

согласенъ; или нѣтъ, не согласенъ—г. Кривенко принять журналъ.

Насъ не удивило, что отвѣтъ не былъ полученъ въ такой простой формѣ, такъ какъ неопредѣленность въ отвѣтахъ составляетъ уже особенность г. Кривенко, но мы разсчитывали, что на этотъ разъ, въ виду серьезности положенія дѣла для обѣихъ сторонъ, имъ будетъ сдѣлано исключеніе.

Согласіе выражено условно. Требованіе совершить передачу на третье лицо, требованіе относительно редактора — нами не могли быть приняты. Обратившись къ посреднику нашему, мы убѣдились, что такой условный отвѣтъ однозначущъ выраженію несогласія принять журналъ. Г. Волькенштейну было извѣстно непосредственно отъ издательницы и подтверждено ея довѣренными, почему именно требованія г. Кривенко не могутъ быть удовлетворены. Г. Волькенштейнъ обо всемъ этомъ передалъ г. Кривенко.

О какихъ же поправкахъ, которыя должны были быть сдѣланы моей довѣрительницею, ведутъ рѣчь въ этомъ пунктѣ гг. Абрамовъ и Скабичевскій. До какихъ же поръ, послѣ какого ряда обмѣна нотъ возможно было считать, что сторона обвинителей могла бы считать себя удовлетворенной въ смыслѣ новыхъ проектовъ, новыхъ поправокъ и пр. и пр.

Положеніе сдѣлалось невыносимымъ, обѣ стороны это понимали. Какъ для кого, а для меня и моей довѣрительницы существовала дѣйствительная опасность задохнуться въ „болѣзненной атмосферѣ“, погибнуть въ „психологической путаницѣ“.

Сторона, привлеченная къ отвѣтственности, полагала, что, преслѣдуя скорѣйшее разрѣшеніе кризиса, она дѣйствовала и въ интересахъ противниковъ. Съ этою цѣлью былъ точно установленъ для соглашенія срокъ, противъ котораго возраженій сдѣлано не было, и срокъ былъ соблюденъ.

Только при потерѣ чувства мѣры можно высказывать до безконечности требованіе за требованіемъ, не обращая вниманіе на возможность ихъ удовлетворенія. Надо что-либо предоставить и ближнему.

Отвѣтомъ на пункты обвиненія можно было бы и закончить скорбный листъ журнала „Новое Слово“ за время издательства моей довѣрительницы. Въ интересахъ издательницы, было выяснить передъ уважаемыми судьями, почему она считала себя въ правѣ передать журналъ г. Семенову. Это исполнено. Но въ отзывѣ на заявленіе жалобщиковъ издательницею было выражено, что для нея нѣтъ основаній оправдываться передъ гг. Абрамовымъ и Скабичевскимъ, за которыми она не признавала и не признаетъ ни-

какихъ правъ на изданіе журнала „Новое Слово" и на этомъ ми-мовольно приходится намъ остановиться.

Мы не будемъ говорить о правахъ матеріальныхъ,—предварилъ стороны г. Предсѣдатель Суда въ первомъ засѣданіи, 25-го апр.— Надо сказать, что не матеріальное право имѣла въ виду и моя довѣрительница, возражая на заявленіе.

Гг. Абрамовъ и Скабичевскій обосновываютъ свои притязанія на утвержденіи, что журналъ „Новое Слово", пріобрѣтенный моей довѣрительницей, „по существу дѣла (?), является принадлежащимъ работающимъ въ немъ и что современемъ фактически долженъ перейти къ нимъ".

Жалобщики указываютъ въ заявленіи, что это было внушено имъ г. С. Кривенко при приглашеніи сотрудниковъ.

Г. Кривенко, скрывающійся, какъ обвинитель, въ той „группѣ", по уполномочію которой гг. Абрамовъ и Скабичевскій подали заявленіе, показаніемъ на судѣ по дѣлу подтвердилъ ихъ заявленіе и удостовѣрилъ, что договоръ былъ словесный.

Изъ свидѣтельскихъ показаній, касающихся вопроса, существовалъ ли словесный договоръ между издательницею и „группою", относительно правъ „группы" на журналъ, наиболѣе цѣнными являются показанія: гг. Кривенко и Волькенштейна, какъ воспріемниковъ „Новаго Слова" отъ Баталина; гг. Оболенскаго и Воронцова— какъ сотрудниковъ, входившихъ въ кадръ, который остался не у дѣлъ вмѣстѣ съ г. Кривенко послѣ раскола въ „Русскомъ Богатствѣ", и затѣмъ г. Семенова, который до совершенія сдѣлки явился къ г. Кривенко, по удостовѣренію свидѣтелей, не столько для того, чтобы предложить г. Кривенко сотрудничество, сколько для того, чтобы выяснить свое положеніе и удостовѣриться, что г. Кривенко не видитъ ничего некорректнаго въ томъ, что онъ пріобрѣтетъ журналъ.

Здѣсь необходимо обратить вниманіе и на то, что В. А. Тимирязевъ, входившій несомнѣнно въ тотъ кадръ, о которомъ было упомянуто, состоявшій дѣйствительно ближайшимъ сотрудникомъ журнала (велъ иностранное обозрѣніе), не пожелалъ участвовать въ „группѣ" обвинителей.

Г. С. Кривенко ничего не оставалось какъ утверждать своими показаніями, что издательница, пріобрѣтая журналъ, знала, что принимаетъ на себя обязательство считать его принадлежащимъ извѣстной ей группѣ писателей. Положеніе г. Кривенко между двухъ огней, какъ это было опредѣлено В. П. Воронцовымъ, было очень трудное и на Судѣ своимъ утвержденіемъ о существо-

ваніи соглашенія не существовавшаго онъ лишь намъ выяснилъ. что теперь огонь „группы" опаснѣе для него, чѣмъ огонь со стороны обвиняемой.

М. Ф. Волькенштейнъ, одинъ изъ воспріемниковъ журнала, совершенно ясно, опредѣленно высказалъ: пріобрѣтеніе журнала совершено по довѣренности О. Н. Поповой; зналъ, что журналъ пріобрѣтается для г. Кривенко; о группѣ не слышалъ. Впервые услышалъ о группѣ около 20-хъ чиселъ февраля 97 г.; переговоры о передачѣ журнала велись мною и относятся къ промежутку времени между 16-мъ января и 18-мъ февраля 1897 года.

Г. Оболенскій свидѣтельствуетъ, что, въ послѣдній періодъ наибольшихъ обостреній отношеній между издательницей и сотрудниками, онъ вступилъ въ переговоры съ редакторомъ по порученію С. Кривенко относительно организаціи артели изъ сотрудниковъ журнала. Для чего же было вести разговоры о томъ, что въ дѣйствительности уже существовало и такъ было ясно для обвинителей въ моментъ пріобрѣтенія журнала моею довѣрительницею.

В. П. Воронцовъ заявилъ, что близко зналъ положеніе дѣла. Мы знали, что пріобрѣтеніе журнала „затѣяно" для г. Кривенко съ его кадромъ людей, близкихъ ему по направленію, но кто входилъ въ этотъ кадръ, была ли когда либо заведена рѣчь объ условіяхъ, которыя бы выяснили отношенія „кадра" къ издательницѣ и обратно, умолчалъ. Характерно его показаніе, опредѣляющее положеніе г. Кривенко и журнала: „Кривенко стоялъ между двухъ огней. Журналъ несомнѣнно долженъ былъ погибнуть при установившихся порядкахъ".

Г. Семеновъ, изложивъ участіе свое въ пріобрѣтеніи журнала, объяснилъ, что, когда по возвращеніи изъ Москвы 8-го февраля, пріобрѣлъ полную увѣренность въ возможности заключить договоръ съ моей довѣрительницей, онъ до совершенія сдѣлки былъ у г. Кривенко для того, чтобы знать, какого онъ мнѣнія относительно отчужденія издательницею журнала ему, г. Семенову. Никакого возраженія со стороны г. Кривенко не было, о нарушеніи интересовъ какой-либо группы не было рѣчи, хотя при этомъ присутствовали гг. Скабичевскій и Оболенскій. Впервые о нарушеніи имъ, Семеновымъ, правъ „группы" онъ услышалъ по прошествіи двухъ недѣль со времени покупки журнала отъ г. Абрамова. Ему было сказано, что пріобрѣтеніемъ журнала онъ нарушилъ интересы „группы".

Г. Максимовъ, не причисляющій себя къ „группѣ" и не причисляемый къ ней и гг. Абрамовымъ и Скабичевскимъ, заявилъ:

что онъ „независимъ“; ему объясняли, что „Новое Слово“ существуетъ на компанейскомъ началѣ, „юридически“ хозяйство г-жи Поповой. Находился въ полномъ убѣжденіи, что предпріятіе артельное, но ничего не сказалъ по вопросу, наиболѣе насъ интересовавшему: было ли ему кѣмъ либо сообщено о составѣ артели, о времени ея учрежденія, объ условіяхъ вступленія, какимъ образомъ, онъ, г. Максимовъ, попалъ въ артель, и самъ то онъ предложилъ ли свой трудъ на артельныхъ началахъ, или удовлетворялся тѣмъ. что было въ дѣйствительности: помѣщалъ статьи, получалъ за нихъ гонораръ по тарифу, установленному г. Кривенко, чѣмъ и исчерпывались всѣ отношенія г. Максимова къ журналу и издательницѣ. Издательницу онъ обрисовалъ, какъ человѣка дѣйствующаго иногда по капризу. Вовсе не нужна была, напр., объяснилъ онъ, рецензія на кн. Сазонова, но издательница сказала: „почему же не отдать уже написанную рецензію, ну хоть бы ради моего каприза“. Съ большимъ ожесточеніемъ г. Максимовъ устремился на редактора, упустивъ изъ виду, что редакторъ учрежденіямъ Союза не подсуденъ, такъ какъ членомъ не состоитъ. По его отзыву редакторъ: рѣзокъ, грубъ и не было сотрудника, который не подвергся бы его осужденію. Не мало соболѣзнованія можно было почувствовать къ г. Максимову, который расходовалъ свою энергію въ этомъ направленіи. Вѣроятно онъ много бы сберегъ силъ, и еще больше убралъ бы красокъ, имъ такъ обильно израсходованныхъ, если бы зналъ, что непріятный, жестокій редакторъ получилъ отъ г. Кривенко въ моментъ, очень близкій началу конца, 17 янв. 97 г., письменно такое предложеніе: „ни Скабичевскій, ни я, ни сотрудники, приглашенные нами на первоначальномъ условіи, ничего не будутъ имѣть противъ того, чтобы Вы вошли въ составъ редакціи (а если кромѣ общаго участія Вы возьмете на себя земскій отдѣлъ, то всѣ будутъ этому только рады)“.

Безпокойнымъ людямъ такихъ предложеній не дѣлаютъ. Правдивость показаній г. Максимова въ данномъ случаѣ представилось возможнымъ опровергнуть письменнымъ документомъ, находящимся въ распоряженіи суда.—Много-ли вѣры можно дать тѣмъ сообщеніямъ, которыя отъ кого-то получалъ г. Максимовъ, тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя онъ выносилъ по своимъ наблюденіямъ объ артельной организаціи журнала—это уже конечно дѣло не наше.

Что же могутъ намъ дать въ итогѣ свидѣтельскія показанія относительно группы и ея правъ, нарушенныхъ моей довѣрительницею?

Кто входилъ въ группу по пресловутымъ „первоначальнымъ

условіямъ", о которыхъ началъ говорить Кривенко только со второй половины января 97 года? Къ какому времени относится формированіе группы? Когда, при комъ г-мъ Кривенко, какъ представителемъ кадра, были предъявлены условія, опредѣляющія отношеніе „группы" къ издательницѣ? Въ чемъ заключались эти „первоначальныя условія"? На эти вопросы опредѣленныхъ отвѣтовъ мы не получили ни отъ предводителя кадра, ни отъ лицъ, которыя считали себя входящими въ составъ этого кадра, ни отъ вчинателей изслѣдованій „по личному почину".

Свидѣтельскія показанія лицъ, которыя, какъ гг. Волькенштейнъ и Семеновъ, не осложнили своего положенія двойственностью роли свидѣтеля-обвинителя, въ каковой являются: С. Н. Кривенко, Л. Е. Оболенскій, В. П. Воронцовъ, удостовѣряютъ: что въ моментъ пріобрѣтенія журнала не было рѣчи о „группѣ", никакихъ притязаній группы мы не видимъ во все время переговоровъ о передачѣ журнала; не появляются они и непосредственно послѣ состоявшагося соглашенія съ г. Семеновымъ, а возникаютъ въ 20-хъ числахъ февраля и, по удостовѣренію одного изъ свидѣтелей, по почину г. Абрамова.

Достаточно доказанное не только отсутствіе соглашенія, но невозможность существованія соглашенія издательницы съ какою либо „группою", представителями которой объявились гг. Абрамовъ и Скабичевскій, удостовѣряетъ правильность мысли моей довѣрительницы, выраженной въ началѣ ея отзыва на заявленіе жалобщиковъ: — что она, издательница, не считаетъ нужнымъ оправдываться передъ гг. Абрамовымъ и Скабичевскимъ, за которыми не признавала и не признаетъ никакихъ правъ на изданіе журнала „Новое Слово".

Теперь, только во время разбирательства, мы познакомились съ составомъ группы. Намъ неизвѣстно сколь сильное воздыханіе къ артельному веденію дѣлъ имѣютъ гг. Станюковичъ и Щепотьевъ, не внесшіе никакого вклада въ „Новое Слово" со времени перехода журнала отъ г. Баталина къ моей довѣрительницѣ; мы не знаемъ воздыханій къ артельности г. Вас. Немировича-Данченко, внесшаго вкладомъ въ журналъ „Волчью Сыть", оплаченную полностью по особому договору; но взгляды уполномоченныхъ обвинителей и прочихъ свидѣтелей-обвинителей съ г. Кривенко во главѣ на артель достаточно извѣстны. И какъ же такъ вышло, что проповѣдники артельнаго начала столь мало оказались озабоченными проведеніемъ его въ столь близкомъ для нихъ дѣлѣ, что въ теченіе девятнадцати мѣсяцевъ не нашлось времени обсудить положеніе

о такой артели, начертать хотя основныя условія, опредѣляющія какъ взаимныя отношенія членовъ группы-артели, такъ и отношенія артели къ издательницѣ и предъявить ей эти условія?

Предполагалось: что группа-артель существуетъ, что участникамъ должны быть извѣстны само собою ихъ взаимныя отношенія, что число членовъ артели ничѣмъ не ограничивается, что для права вступленія не требуется никакого дѣйствительнаго участія, что для того, чтобы быть участникомъ такой артели достаточно дать разрѣшеніе помѣстить свое имя на обложку журнала и пр. и пр. Предполагалось и то, что издательница, она же и „товарищъ-писатель“, обязана доставлять средства для такой предполагаемой артели, существующей на основаніяхъ само-собою извѣстныхъ; что издательница должна была вѣдать: что разъ она вошла въ какія либо соглашенія съ г. Кривенко, тѣмъ самымъ она обязана доставлять средства для артели безъ всякихъ ограниченій, что таковое обязательство не можетъ быть разсматриваемо какъ нѣчто временное, а какъ полное, крѣпостное. Все это должно было подразумѣваться.

И возможно ли на столь зыбкомъ фундаментѣ, какъ одни предположенія построить обвиненіе въ нарушеніи „нравственныхъ основаній“?

Гдѣ же однако первоисточникъ „психологической путаницы“, какимъ путемъ дошли жалобщики до убѣжденія, что для нихъ является вопросомъ чести обвинять мою довѣрительницу въ нарушеніи ихъ правъ при продажѣ журнала?

При пріобрѣтеніи журнала кромѣ издательницы принимали ближайшее участіе только г. Волькенштейнъ и г. Кривенко.

Стороны сохранили прежнія отношенія къ г. Волькенштейну до послѣдняго критическаго момента, когда г. Волькенштейнъ принялъ участіе, съ согласія обѣихъ сторонъ, какъ посредникъ при переговорахъ о передачѣ журнала г. Кривенко.

Издательница отвергала и отвергаетъ существованіе какой либо группы, для которой журналъ будто бы былъ пріобрѣтенъ, отвергаетъ и существованіе „первоначальныхъ условій“, о чемъ г. Кривенко завелъ рѣчь только въ январѣ 97 года. Въ январѣ онъ напоминаетъ издательницѣ о существованіи въ „первоначальныхъ условіяхъ“ пункта о невмѣшательствѣ издательницы въ литературныя отношенія и литературную сторону дѣла и призабылъ сказать о правахъ группы. Теперь, во время разбирательства, утверждалъ, что и группа и условія существовали. Г. Волькенштейнъ вполнѣ опредѣленно высказалъ, что о группѣ, о правахъ какой

либо группы не было рѣчи при пріобрѣтеніи журнала; о притязаніяхъ группы, онъ впервые, какъ и другой свидѣтель, услышалъ въ двадцатыхъ числахъ февраля 97 года.

Всѣ соглашенія съ постоянными сотрудниками производились г. Кривенко; онъ только и могъ вводить гг. сотрудниковъ въ недоразумѣнія, поддерживать эти недоразумѣнія, утверждая о существованіи извѣстныхъ условій, которыя не были имъ предъявлены издательницѣ и сразу-же могли уяснить ея отношенія къ журналу.

Почему г. Кривенко не счелъ нужнымъ воспользоваться предложеніемъ издательницы въ 95 году взять журналъ съ приданымъ „опредѣленной суммы", почему онъ и въ послѣднее время уклонился отъ предложеній ему сдѣланныхъ—это его тайна.

Несомнѣнно однако, что къ неопредѣленности онъ болѣе всего склоненъ, а эта неопредѣленность завлекала издательницу все въ большія и большія затраты, увеличивала затруднительность ея положенія и въ концѣ-концовъ обусловила появленіе вопроса, которымъ затрагивалась честь и доброе имя моей довѣрительницы и какъ человѣка, и какъ общественнаго дѣятеля.

Примите затѣмъ къ соображенію, что судебное разбирательство возбуждено членами группы, какъ г. Абрамовъ, менѣе другихъ знакомыми съ исторіею возникновенія журнала *) и получившими свѣдѣнія исключительно отъ г. Кривенко, и станетъ ясно, почему ихъ заявленіе изложено не съ тою послѣдовательностью и точностью, съ какою могъ-бы, казалось, изложить дѣло самъ г. Кривенко.

Обратите вниманіе и на слѣдующее. По какой-то странной случайности г. Кривенко, главарь группы, въ рѣшительный моментъ уходитъ въ тылъ, не рѣшается выступить представителемъ группы въ ея домогательствахъ, но не уклоняется отъ того, чтобы сохранить за собою положеніе обвинителя, предоставляя своимъ союзникамъ использовать себя при разбирательствѣ дѣла въ качествѣ свидѣтеля.

На сколько удачно имъ выполнена роль свидѣтеля мы уже знаемъ, но не на это должно быть обращено вниманіе. Бо́льшее вниманіе заслуживаетъ его роль какъ обвинителя. Г. Кривенко нельзя причислить къ обвинителямъ очень смѣлымъ—это правда, но тактика его безупречна. Г. Кривенко, имѣя на своей сторонѣ нѣкоторую

*) Г. Абрамовъ во все время издательства „Новаго Слова" моей довѣрительницей жилъ въ Ставрополѣ-Кавказскомъ. Къ кадру, оставшемуся не у дѣлъ послѣ выхода г. Кривенко изъ „Русскаго Богатства", онъ, точно также какъ и г. Скабичевскій, не принадлежалъ.

опытность въ журнальномъ дѣлѣ, нападаетъ на противника во всеоружіи знаній всѣхъ обстоятельствъ дѣла, онъ знаетъ слабыя и сильныя стороны своего бывшаго союзника, теперь ставшаго передъ нимъ обвиняемой.

Все изложенное должно привести къ заключенію:

что гг. Абрамовъ и Скабичевскій, а также „группа", представителями которой они себя признаютъ, предъявляютъ въ своемъ заявленіи притязанія неосновательныя;

что моя довѣрительница, исчерпавъ все отъ нея зависящее для осуществленія своего искренняго желанія передать журналъ г. С. Кривенко, имѣла право передать журналъ г. Семенову или кому-либо другому въ виду невозможности продолжать журнально-издательскую дѣятельность;

что г. Кривенко принималъ ближайшее участіе въ организаціи журнала, пріобрѣтеннаго моей довѣрительницей въ іюнѣ 1895 года съ цѣлью дать ему, г. Кривенко, возможность работать на литературномъ поприщѣ;

что г. Кривенко, не объявляя издательницѣ тѣхъ условій, на основаніи которыхъ онъ входилъ въ соглашеніе съ нѣкоторыми сотрудниками, ввелъ извѣстную ему группу сотрудниковъ въ недоразумѣніе, заявляя, что издательницѣ извѣстно о словесномъ договорѣ, въ дѣйствительности не существовавшемъ, и

что г. Кривенко, близко зная всѣ обстоятельства дѣла, изъявляя свое согласіе явиться въ Судъ „несмотря на все неудовольствіе" *) выступилъ въ дѣйствительности обвинителемъ, передавъ лишь полномочіе гг. Абрамову и Скабичевскому.

Въ виду это прошу:

Довѣрительницу мою по взведеннымъ на нее обвиненіямъ оправдать.

Г-на С. Кривенко признать обвинителемъ недобросовѣстнымъ.

Небольшое дополненіе.

Все высказанное гг. Абрамовымъ и Скабичевскимъ въ ихъ обвинительныхъ рѣчахъ не могло измѣнить заключеній, приведенныхъ довѣреннымъ обвиняемой въ концѣ его объясненія.

Г. Абрамовъ въ заключительной рѣчи принялъ на себя, какъ сказалъ его товарищъ по обвиненію г. Скабичевскій, выяснить Суду

---

*) На приглашеніе, посланное г. Кривенко явиться въ Судъ, получено письмо слѣдующаго содержанія: „М. г. А. Н., несмотря на все неудовольствіе, я все-таки явлюсь сегодня къ г. Спасовичу, согласно Вашему и его приглашенію. Вашъ покорный слуга С. Кривенко. 29 апр.".

необходимость признать мою довѣрительницу неправою во имя охраненія престижа литературныхъ дѣятелей.—Полагаемъ, что престижъ этотъ не пріобрѣтается и не можетъ быть охраняемъ цѣною обвиненія, недостаточно хорошо обоснованнаго. Такимъ отвѣтомъ возможно ограничиться на рѣчь г. Абрамова.

Г. Скабичевскій взялъ для своей обвинительной рѣчи мотивъ другой.—Онъ задался цѣлью выяснить гг. судьямъ, что́ выносили гг. сотрудники подобно г. Скабичевскому за 19 мѣсяцевъ отъ своенравія моей довѣрительницы. Неправильныя отношенія издательницы, по мнѣнію г. Скабичевскаго, имѣли характеръ оскорбительный. должны были возмущать всѣхъ и каждаго.—Ради этого онъ „вопіетъ“ къ суду снять обвинительнымъ приговоромъ „пятно“, положенное издательницею на сотрудниковъ.

Патетическая рѣчь г. Скабичевскаго могла имѣть мѣсто, если бы дѣло шло объ оскорбленіяхъ, а не о правѣ на журналъ; она должна была бы произвести тяжелое впечатлѣніе, если бы вопль г. Скабичевскаго имѣлъ въ основаніи что-либо дѣйствительно существовавшее.—Но гг. судьи могли убѣдиться, что и тѣ довольно пристрастныя показанія, которыя исходили отъ свидѣтелей-обвинителей, не дали картины отношеній моей довѣрительницы къ сотрудникамъ, нарисованной г. Скабичевскимъ отъ избытка усердія, проявить которое возможно только при закрытыхъ дверяхъ. Что касается письменныхъ документовъ, имѣющихся въ распоряженіи Суда и представляющихъ довольно надежный матеріалъ, то они, полагаю, не могутъ поддержать реторику г. Скабичевскаго.

Г. Скабичевскій для большей доказательности своего обвиненія прибѣгъ къ поэтическимъ образамъ.—Обращая вниманіе на незаконность сѣтованій моей довѣрительницы на убытки отъ журнала, онъ, г. Скабичевскій, видитъ въ этомъ неблагоразуміе, которое можетъ быть уподоблено желанію снять жатву прежде созрѣванія посѣяннаго.—Вмѣшательство въ литературную сторону дѣла онъ приравнялъ къ стремленію неопытнаго, несвѣдущаго человѣка стать у руля вполнѣ оснащеннаго корабля, который могъ быть заведенъ такимъ неопытнымъ кормчимъ не въ ту гавань, куда надлежало слѣдовать.

Довѣренный обвиняемой не счелъ возможнымъ, принимая во вниманіе утомленіе судей, уклониться отъ существа дѣла, тѣмъ болѣе что и объясненіе представленное имъ и помѣщенное выше, онъ принужденъ былъ прочесть въ сокращенномъ видѣ.—Но теперь, при составленіи отчета, нельзя было не воспользоваться случаемъ сдѣлать возраженіе и г. Скабичевскому. Поэтическіе

образы имъ приведенные даютъ слишкомъ одностороннее освѣщеніе. Не имѣетъ ли вопль г. Скабичевскаго иного основанія, другой причины; дѣйствительное положеніе вещей не напомнитъ ли ему изрѣченіе лѣтописца: „не мучими никимже, но сами ся мучать“. Съ этимъ бы возможно согласиться. Жаль вообще, что неустановился еще въ учрежденіяхъ союза русскихъ писателей обычай приглашать стороны къ соглашенію; быть можетъ оно могло состояться и по настоящему дѣлу.

1897 года мая 12-го дня Судъ чести Союза взаимопомощи русскихъ писателей, дѣйствуя въ слѣдующемъ составѣ:

Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ,
Вячеславъ Авксентьевичъ Манасеинъ
и Петръ Петровичъ Фанъ-деръ-Флитъ,

разсматривали въ засѣданіяхъ 25-го и 29-го апрѣля, 2-го, 7-го, 9-го и 12-го мая дѣло, возникшее по жалобамъ бывшихъ сотрудниковъ журнала „Новое Слово“ Я. В. Абрамова и А. М. Скабичевскаго на бывшую издательницу этого органа О. Н. Попову, и постановилъ по этому дѣлу нижеслѣдующій ПРИГОВОРЪ.

Фактическая подкладка этого дѣла заключается въ слѣдующемъ:

25-го іюня 1895 г. жена полковника Ольга Николаевна Попова пріобрѣла отъ издателя журнала „Новое Слово“ Баталина право собственности на это изданіе. Она занималась издательствомъ журнала съ того времени до начала текущаго 1897 года, когда она продала право свое на журналъ по домашнему условію подписанному 12-го февраля Михаилу Николаевичу Семенову. Два бывшіе сотрудника „Новаго Слова“, оставившіе журналъ при переходѣ его къ г. Семенову, Я. В. Абрамовъ и А. М. Скабичевскій привлекли 12-го апрѣля бывшую издательницу О. Н. Попову къ Суду чести Союза взаимопомощи русскихъ писателей за неправильный по ихъ мнѣнію образъ ея дѣйствій при продажѣ журнала г. Семенову, заключающійся въ томъ, что она 1) продала журналъ людямъ иного направленія, нежели то, въ которомъ онъ былъ при ея участіи веденъ, 2) скрывъ отъ своихъ сотрудниковъ по журналу свое намѣреніе его продать и 3) и не предложивши группѣ сотрудниковъ журнала взять его на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ онъ проданъ Семенову. Они возбуждаютъ въ своей жалобѣ вопросъ: имѣла ли О. Н. Попова право продать журналъ на сторону, хотя бы и послѣ 1-го февраля, но до приведенія къ концу переговоровъ съ

С. Н. Кривенко, о продажѣ журнала, возбужденныхъ его письмомъ 27-го января, въ которомъ онъ дѣлалъ ей извѣстныя предложенія. Жалующіеся заявили, что между г-жею Поповою и сотрудниками, группировавшимися около С. Н. Кривенко, которому даны были лично Поповою извѣстныя обѣщанія, относящіяся къ журналу, не было никакого письменнаго формальнаго договора, что эти обѣщанія давались только словесно. Они утверждали, что журналъ основанъ былъ спеціально съ цѣлью дать возможность группѣ писателей, работавшихъ съ г. Кривенко, имѣть свой органъ для выраженія своихъ убѣжденій. Такимъ образомъ для самихъ жалующихся безспорно, что съ юридической стороны г-жа Попова, такъ сказать, неуязвима, и что ее невозможно преслѣдовать судомъ. Она была по положительному закону собственницею органа и не связала себя никакими точно опредѣленными по отношенію къ кому бы то не было обязательствами. Дѣятельность Суда чести совсѣмъ иная, нежели дѣятельность суда гражданскаго, и сужденію его подлежатъ всякія доказанныя нарушенія данныхъ, но не сдержанныхъ словъ и обѣщаній. Изъ заявленія Суду чести О. Н. Поповой отъ 23-го апрѣля явствуетъ, что „Новое Слово" было дѣйствительно ею пріобрѣтено не для коммерческихъ, а для иныхъ цѣлей. Сама г-жа Попова писательница, хотя и не профессіональная, но признаетъ, что она пріобрѣла журналъ не для себя, а для г. Кривенко, съ которымъ она была въ то время въ дружескихъ отношеніяхъ и которому хотѣла предоставить возможность работать на литературномъ поприщѣ. Она отрицаетъ только права гг. Абрамова и Скабичевскаго на принесеніе жалобы, такъ какъ съ ними она по издательству „Новаго Слова" никогда неусловливалась и не состояла ни въ какихъ отношеніяхъ. При такомъ отрицаніи со стороны О. Н. Поповой какихъ-либо правъ группы какъ отдѣльной сборной единицы вліять на судьбы журнала необходимо уяснить себѣ вопросъ—доказаны ли жалобщиками эти права. Разрѣшеніе этого вопроса возможно только посредствомъ возстановленія мысленно исторіи журнала со времени его пріобрѣтенія отъ Баталина до его продажи Семенову и посредствомъ расположеній выясненныхъ Судомъ чести данныхъ, относящихся къ этой исторіи, въ хронологическомъ порядкѣ. Исторію эту можно раздѣлить на два періода. Первый годъ издательства съ іюня 1895 г. по лѣто 1896 г. прошелъ безъ особыхъ неудовольствій и разлада. Издательница вкладывала въ дѣло свой капиталъ. Слѣпцовъ былъ оффиціальнымъ редакторомъ до ноября 1895 г., а съ того времени сталъ таковымъ же мужъ О. Н. Поповой, А. Н. Поповъ, но дѣйствительнымъ редакторомъ оставался С. Н.

Кривенко. Редакція журнала помѣщалась въ городѣ, постоянные главные сотрудники участвовали въ журналѣ на маломъ мѣсячномъ содержаніи и исполняли безвозмездно разныя редакторскія работы. Для характеристики отношеній О. Н. Поповой къ С. Н. Кривенко существенно важны отрывки изъ писемъ ея къ г. Кривенко, помѣщенныхъ въ жалобѣ и неоспариваемыя А. Н. Поповымъ, представлявшемъ личность своей жены на Судѣ въ качествѣ повѣреннаго. Въ письмѣ 30-го іюня 1895 г. передъ началомъ выхода журнала въ новомъ видѣ она писала о лицѣ, которое предполагалось въ редакторы (Слѣпцовъ): „онъ долженъ знать, что журналъ Вашъ и что лично оказываетъ Вамъ услугу, когда берется быть редакторомъ“. Въ письмѣ отъ 18-го октября 1895 г., когда затраты на журналъ не могли еще быть значительны, О. Н. писала: „прихожу опять къ тому, что уже разъ говорила: возьмите у меня журналъ, я передаю его въ собственность Вашу или всякаго лица, котораго Вы выберете, и дамъ при этомъ опредѣленную сумму денегъ“. Изъ этого же письма, которое предъявилъ въ подлинникѣ С. Н. Кривенко въ засѣданіи Суда чести, онъ указалъ еще на слѣдующія слова: „я останусь съ журналомъ, который устраивала для Васъ и для тѣхъ лицъ, которыя могутъ съ Вами работать, и что же я тогда заведу?“ Прошелъ затѣмъ слишкомъ годъ, и хотя по словамъ жалующихся подписка достигала 3,000, но это число подписчиковъ не покрывало издержекъ, и издательницѣ журнала приходилось въ тягость, отъ которой она хотѣла освободиться. По словамъ свидѣтеля Поссе она затратила на журналъ до 40 т. р. Въ письмѣ 7-го ноября 1896 г. она писала: „о чемъ же я хлопочу? только объ одномъ, чтобы журналъ сталъ на ноги и чтобы Вамъ его передать. Возьмите его завтра, только верните хоть часть затраченныхъ денегъ, и съ Богомъ“. Такъ какъ она была издательница, то на ней лежала вся отвѣтственность передъ подписчиками до конца подписного года. По словамъ г. Кривенко уже лѣтомъ 1896 г. она заявила, что не хочетъ продолжать журнала и намѣрена его закрыть. Г. Кривенко утверждаетъ, что онъ тогда предложилъ О. Н. Поповой, чтобы дальнѣйшіе расходы взяла на себя группа сотрудниковъ. Это предложеніе не было Поповою принято.

Къ естественному неудовольствію, вызываемому ходомъ изданія съ денежной его стороны, присовокупились осенью 1896 г. личныя недоразумѣнія и пререканія г-жи Поповой съ С. Н. Кривенко и съ другими сотрудниками по литературной части изданія. По словамъ свидѣтелей В. А. Поссе и В. П. Воронцова на обостряющійся

характеръ несогласія вліяло и состояніе здоровья О. Н. Поповой; она вынесла болѣзнь почекъ и была сильно разстроена нервами. По свидѣтельству доктора Василія Бертенсона 19-го апр. 1897 г. она не могла по состоянію здоровья явиться лично и въ Судъ чести.

Второй періодъ издательства съ осени 1896 г. отличается отъ перваго двумя чертами: 1) усиливающимися постепенно внутренними несогласіями въ средѣ редакціи журнала между супругами Поповыми съ одной стороны и постоянными сотрудниками журнала съ другой и 2) усиливающеюся рѣшимостью О. Н. Поповой развязаться съ журналомъ, либо закрывъ его и не продолжая принимать подписку на другой годъ, либо передать журналъ, такъ сказать, на ходу другому лицу единичному или собирательному, которыя взяли бы на себя отвѣтственность предъ подписчиками.

По словамъ С. Н. Кривенко, осенью 1896 г., установлено по желанію О. Н. Поповой, что редакціонныя собранія будутъ происходить на ея квартирѣ на Каменноостровскомъ 58, вслѣдствіе чего они потеряли свой кружковой характеръ, такъ какъ въ нихъ участвовали съ тѣхъ поръ только С. Н. Кривенко, А. М. Скабичевскій и В. А. Поссе; они превратились въ родъ второй инстанціи, перерѣшавшей постановленія кружка, что возбуждало словесныя неудовольствія въ кружкѣ. По словамъ свидѣтелей Л. Е. Оболенскаго, В. П. Воронцова и Е. Д. Максимова, усиливающееся личное участіе О. Н. Поповой вредило успѣху изданія. По словамъ С. Н. Кривенко, оно создавало для него и А. М. Скабичевскаго двойственное положеніе, т. е. что многое рѣшенное въ кружкѣ приходилось измѣнять, съ чѣмъ однако мирились члены редакціи, бывавшіе у г-жи Поповой. Крупныя неудовольствія возникли въ журналѣ „Новое Слово“ по поводу разныхъ критическихъ статей противъ „Новаго Слова“ въ журналѣ „Недѣля“. Началась полемика по поводу этихъ статей между Меньшиковымъ*) и Энгельгардтомъ съ одной стороны, а Кривенко съ другой стороны. О. Н. Попова была столь сильно оскорблена полемическими статьями какъ въ „Недѣлѣ“, такъ и въ „Новомъ Времени“, въ которомъ редакторъ „Научнаго Обозрѣнія“ Филипповъ, раздраженный рецензіею его перевода, написанною Л. Е. Оболенскимъ, задѣлъ ее лично, что выразилась что никто изъ сотрудничающихъ въ „Новомъ Словѣ“

*) Здѣсь въ „приговорѣ“ очевидно вкралась неточность, такъ какъ Г. Меньшиковъ противъ „Новаго Слова“ не писалъ, въ „Новомъ же Словѣ“ были статьи г. С. К., послѣ которыхъ въ „Книжкахъ Недѣли“ за подписью г. Н. Энгельгардта и безъ подписи появились чрезвычайно рѣзкія нападки на „Новое Слово“.
А. П.

не долженъ помѣщать статей въ „Недѣлѣ", а такъ какъ этому требованію не подчинился Л. Е. Оболенскій, то она настаивала, чтобы С. Н. Кривенко статей Л. Е. Оболенскаго въ „Новомъ Словѣ" не помѣщалъ. Въ письмѣ О. Н. Поповой отъ 22-го декабря 1896 г. къ С. Н. Кривенко, приведенномъ въ жалобѣ и неоспоренномъ со стороны Поповой, написано было: „удаленіе О. я считаю за непремѣнное условіе, если Вы желаете, чтобы я осталась издательницею, а Александръ Николаевичъ (Поповъ) редакторомъ". Она однако сдѣлала уступку послѣ обмѣна писемъ съ Оболенскимъ и извинилась, выразивъ, что она дорожитъ его сотрудничествомъ. Жалобщики указываютъ, что и другіе сотрудники подвергались гоненію со стороны г-жи Поповой:—Воронцовъ, В. Тимирязевъ; по словамъ Оболенскаго, Воронцовъ за то, что громко спорилъ, а Тимирязевъ—что невѣжливо отвѣчалъ Попову. По показанію В. А. Поссе при составленіи январьской книжки 1897 г. г. Кривенко, вслѣдствіе неудовольствія О. Н. Поповой на Я. В. Абрамова, предполагалъ вычеркнуть его изъ числа сотрудниковъ, но былъ оставленъ А. Н. Поповымъ, который находилъ это дѣйствіе слишкомъ ригористичнымъ въ виду предполагавшейся уже передачи журнала С. Н. Кривенко. Слѣдуетъ замѣтить впрочемъ, что С. Н. Кривенко отвергаетъ цѣликомъ это обстоятельство. Вопросъ о дальнѣйшихъ судьбахъ журнала „Новое Слово" осложнился еще участіемъ, какое въ этомъ издательствѣ принялъ, по просьбѣ жены своей и С. Н. Кривенко, А. Н. Поповъ, согласившійся быть оффиціальнымъ редакторомъ изданія передъ цензурою, но считавшій невозможнымъ относиться къ дѣлу только пассивно. Изъ показанія Е. Д. Максимова видно, что, вступивъ въ дѣло, г. Поповъ осуждалъ почти всѣхъ сотрудниковъ въ весьма рѣзкой формѣ, чѣмъ конечно усиливалъ недовольство издательницею. Въ письмѣ изъ деревни 24-го декабря 1896 г. А. Н. Поповъ остритъ, называя себя пришитымъ къ журналу редакторомъ, но признаетъ, что, какъ человѣкъ христіанскихъ чувствъ не чуждый, онъ не можетъ оставаться въ безразличномъ состояніи въ качествѣ сторонняго наблюдателя, тѣмъ болѣе, что онъ не можетъ не озаботиться своимъ ближайшимъ союзникомъ—женою, относительно которой какъ-то такъ выходитъ, что она во всемъ попадаетъ въ виноватыя. Поповъ вполнѣ понимаетъ, что дѣло, предпринятое С. Н. Кривенко совмѣстно съ женою, есть не спекуляція, а дѣло общественное, не смахивающее на нѣчто въ родѣ кустарнаго промысла. Онъ недоволенъ тѣмъ, что главному руководителю, т. е. Кривенко, совершенно не интересна матеріальная сторона дѣла, а издательница совсѣмъ отстранена отъ

наблюденія за составомъ книжекъ. Г. Поповъ критикуетъ предпріятіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно стояло въ концѣ 1896 г. По его словамъ существующее устройство журнала есть полная дисгармонія единоличныхъ произволовъ, по-просту говоря, разнопанщина. Строеніе все произведено съ весьма почтенными и благими намѣреніями и какъ бы на счетъ Государственнаго Казначейства, въ общемъ же плыветъ безъ руля и безъ вѣтрилъ. Никакой организаціи въ „Новомъ Словѣ“ не существуетъ, а существуетъ группа лицъ, имѣющихъ право на изліяніе своихъ мыслей и чувствъ, существуетъ типографія, поставщикъ бумаги и пунктъ, въ которомъ совершается регистрація явленій. А. Н. Поповъ не допускаетъ даже, чтобы у „Новаго Слова“ было какое-либо опредѣленное направленіе. Для выясненія направленія необходимо обсужденіе сообща, что ставить на очередь въ руководящихъ статьяхъ. До выхода книжки никому не извѣстно, что будетъ, и потому получаются неожиданности, случайности, при содѣйствіи которыхъ не составишь направленія. Письмо заключало въ себѣ слѣдующіе выводы или предположенія: „я согласенъ ходить въ цензурное вѣдомство, но теперь, когда я вижу нелады почти не устранимыя, мнѣ ничего не остается какъ послѣдовать примѣру Слѣпцова: былъ и вышелъ— такъ можно и отмѣтить. Надо отказаться отъ производства за свой страхъ и счетъ. Наилучшимъ исходомъ было бы, если бы все дѣло Вы приняли цѣликомъ въ свои руки съ уплатою стоимости по счетамъ къ извѣстному моменту“. Слѣдуетъ замѣтить, что за мѣсяцъ передъ тѣмъ 7-го ноября 1896 г. О. Н. Попова заявила, что она требуетъ только возврата части затратъ, и что вскорѣ потомъ журналъ предлагается къ передачѣ даромъ С. Н. Кривенко или литературному фонду. Письмо Попова отъ 24-го декабря 1896 г., изъ котораго приведены предъидущія выдержки, писалось при слѣдующихъ условіяхъ. А. Н. Поповъ, рѣшившійся въ декабрѣ сложить съ себя редакторство, что бы ни сдѣлала съ журналомъ его жена, получилъ въ отвѣтъ на это заявленіе письмо нерѣшительное отъ С. Н. Кривенко съ предложеніемъ побесѣдовать по этому вопросу послѣ Рождества, т. е. послѣ возвращенія изъ Смоленской губерніи. До отъѣзда въ деревню Поповъ просилъ жену предложить С. Н. Кривенко о необходимости болѣе частаго посѣщенія Сергеемъ Николаевичемъ редакціи и увольненіе нѣкоторыхъ сотрудниковъ. Кривенко заявилъ въ видѣ отвѣта о своей готовности оставить журналъ. Тогда Поповъ въ письмѣ 20-го декабря, отступая отъ своихъ требованій, предложилъ г. Кривенко приложить всѣ силы къ улучшенію организаціи журнала (прострации здѣсь

не мѣсто, будемъ добры, другъ другу тяготы носить). Затѣмъ въ письмѣ 24-го изложилъ свои критическія замѣчанія. Поповъ собрался въ Петербургъ, въ самомъ концѣ декабря, съ тѣмъ, чтобы вывести себя и жену изъ предпріятія издательства „Новаго Слова". Въ дѣлѣ имѣются нижеслѣдующія данныя для выясненія самаго существеннаго возбуждаемаго сторонами вопроса о томъ: есть-ли въ этомъ дѣлѣ, сверхъ жалобщиковъ и О. Н. Поповой, заинтересованныя третьи лица? иными словами обязательно ли было соглашеніе при передачѣ журнала съ сотрудниками „Новаго Слова".

Гг. Абрамовъ и Скабичевскій не входили никогда ни въ какія соглашенія съ г-жею Поповою и не бесѣдовали съ нею о ея цѣли при пріобрѣтеніи журнала. Изъ ея писемъ: 30-го іюня и 18-го декабря 1895 г. и 7-го ноября 1896 г. видно, что она пріобрѣтала журналъ для г. Кривенко и готова была передать его тому, кого онъ укажетъ, напримѣръ лицамъ, съ которыми онъ привыкъ работать. Они убѣждены, что журналъ уже принадлежалъ съ момента его пріобрѣтенія отъ Баталина группѣ работающихъ въ немъ сотрудниковъ и, что современемъ онъ долженъ былъ перейти къ нимъ фактически. Эти убѣжденія основываются, главнымъ образомъ, на словахъ С. Н. Кривенко. То же мнѣніе выразили сотрудники, спрошенные какъ свидѣтели: Воронцовъ, Максимовъ и Оболенскій, изъ которыхъ Воронцовъ утверждаетъ, что изданіе, по его убѣжденію, затѣяно ради Кривенко, какъ лица имѣющаго въ своемъ распоряженіи свободную группу писателей одного направленія и, слѣдовательно, ради него, какъ представителя этой группы. Максимовъ говоритъ, что слышалъ это отъ самого Попова, который по показанію свидѣтеля сказалъ по отношенію къ сотрудникамъ о Кривенко: „онъ вашъ старшой", изъ чего онъ заключаетъ, что журналъ существуетъ на компанейскихъ началахъ. Оболенскій полагалъ, что съ самаго начала журналъ былъ артельный, и когда шелъ вопросъ о продажѣ журнала О. Н. Поповою въ другія руки, самъ онъ бесѣдовалъ съ А. Н. Поповымъ объ устраненіи выборной редакціи, чему, по его словамъ, Поповъ не противорѣчилъ. Такъ какъ всѣ эти убѣжденія основываются главнымъ образомъ на словахъ Кривенки и на письмахъ О. Н. Поповой, то жалующіеся, гг. Абрамовъ и Скабичевскій, сдѣлали ссылку на С. Н. Кривенко въ томъ, что ихъ жалоба составлена ими по его указаніямъ, каковую ссылку онъ какъ будто бы подтвердилъ, потому что призналъ, что заявленіе, возбудившее настоящее дѣло, послѣдовало по его указаніямъ, которыя дѣлались имъ для оправданія себя передъ сотрудниками (показаніе 29-го апр.). Въ дѣлѣ имѣют-

ся данныя, изъ которыхъ можетъ быть сдѣланъ и другой выводъ, а именно: что О. Н. Поповою допускалось что журналъ можетъ сдѣлаться кружковою компанейскою собственностью только въ будущемъ, а не въ настоящемъ, и только при посредствѣ Кривенки, если на то будетъ его личная воля. На Судѣ чести С. Н. Кривенко показалъ (29-го апрѣля), что письменныхъ условій съ О. Н. Поповою не было никакихъ, а на словахъ предполагалось, что журналъ современемъ (а не теперь) перейдетъ къ кружковой группѣ. Эта нескрываемая г. Кривенко возможность будущаго перехода журнала къ кружку объясняетъ почему постоянные сотрудники въ виду не настоящаго, а будущаго получали въ „Новомъ Словѣ" маленькое вознагражденіе и брали на себя даромъ редакторскія работы. Разговоръ г. Оболенскаго съ А. Н. Поповымъ объ артельной организаціи журнала происходилъ въ январѣ 1897 года, когда въ виду рѣшимости Поповыхъ развязаться съ журналомъ, та или другая организація журнала въ будущемъ представлялась для Поповыхъ безразличною. По показанію присяжнаго повѣреннаго М. Ф. Волькенштейна въ двадцатыхъ числахъ января во время переговоровъ о передачѣ журнала С. Н. Кривенко и А. М. Скабичевскому А. Н. Поповъ сказалъ, что „мы (А. Н. П. и его жена) считаемся только съ двумя лицами: Кривенко и Скабичевскимъ, а группа сотрудниковъ фикція", при чемъ онъ подразумѣвалъ, что группа не существуетъ еще въ смыслѣ собирательно юридическаго лица до перехода журнала къ пріобрѣтателю или пріобрѣтателямъ, что они не устроены на компанейскихъ началахъ.

По возвращеніи А. Н. Попова въ С.-Петербургъ состоялось засѣданіе редакціи „Новаго Слова" 11 января, въ которомъ за отсутствующую О. Н. Попову дѣйствовалъ А. Н. Поповъ.

По словамъ присутствовавшаго въ этомъ засѣданіи В. А. Поссе, Поповъ заявилъ, что О. Н. Попова готова отдать журналъ С. Н. Кривенко, не требуя полнаго вознагражденія и даже даромъ, на что С. Н. Кривенко сначала тутъ-же согласился словами: хоть завтра.—С. Н. Кривенко отрицаетъ, чтобы онъ это сказалъ, но что онъ сказалъ того съ точностью не помнитъ. Поповъ попросилъ его выразить это согласіе письменно и приступить къ совершенію надлежащаго акта у нотаріуса Бортковича. Кривенко никакого отвѣта письменнаго тутъ же не далъ, а потомъ 13-го января заявилъ, что не могъ согласиться на предложеніе, такъ какъ оно было сдѣлано въ неделикатной формѣ, въ видѣ подарка, котораго онъ лично принять не можетъ.

16-го января 1897 г. А. П. Поповъ обратился къ присяжному повѣренному М. Ф. Волькенштейну и просилъ его принять участіе въ переговорахъ о передачѣ журнала О. Н. Поповою другимъ лицамъ, съ тѣмъ, чтобы переговоры велись письменно на имя г. Волькенштейна съ обѣихъ сторонъ. Волькенштейнъ принялъ на себя эту роль не въ качествѣ повѣреннаго, а просто какъ посредникъ. Въ его квартирѣ собирались для переговоровъ: С. Н. Кривенко, А. М. Скабичевскій, Л. Е. Оболенскій, В. А. Тимирязевъ.—С. Н. Кривенко передалъ на этихъ совѣщаніяхъ Волькенштейну свои общія предположенія объ исходѣ дѣла (показаніе 29-го апр.) въ видѣ записки безъ числа, допускающія слѣдующіе четыре способа рѣшенія, между которыми писавшій не дѣлаетъ никакого своего личнаго вывода, „Возможны слѣдующія разрѣшенія вопроса: или 1) соблюденіе основного первоначальнаго условія относительно невмѣшательства въ литературныя отношенія и литературную сторону дѣла, какъ это многократно говорилось, само собою разумѣлось и въ значительной степени соблюдалось въ теченіи почти всего перваго года. При этомъ только условіи и возможны редакціонная работа и сношеніе съ сотрудниками. Невмѣшательство не исключаетъ, разумѣется, ни критики нашихъ дѣйствій и указаній на ошибки, ни тѣмъ болѣе совѣтовъ, участія и вообще всякой помощи. Измѣненіе въ первоначальномъ положеніи: 1) ни Скабичевскій, ни я, ни сотрудники, приглашенные нами на первоначальномъ условіи, ничего не будутъ имѣть противъ того, чтобы Вы вошли въ составъ редакціи (а если, кромѣ общаго участія, Вы возьмете на себя еще земскій отдѣлъ, то всѣ будутъ этому только рады), равнымъ образомъ никто не рѣшится возразить и противъ того чтобы Вамъ, какъ отвѣтственному редактору, принадлежало veto относительно статей щекотливыхъ въ цензурномъ смыслѣ и почему либо для Васъ неудобныхъ по другимъ соображеніямъ 2) продажа журнала на сторону. Разъ издательница категорически заявляетъ, что не можетъ продолжать дѣла (по состоянью здоровья или матеріальнымъ причинамъ), то продажа журнала является, разумѣется, самымъ естественнымъ и краткимъ рѣшеніемъ вопроса. 3) Если есть опредѣленное категорическое желаніе передать журналъ литературнымъ работникамъ, то и это можетъ быть сдѣлано, но опять-таки лишь на почвѣ первоначальнаго условія, котораго я держусь: лично я журнала взять не могу, но могу его взять напр. съ Скабичевскимъ съ обязательствомъ сохранить право собственности на него за О. Н. или Вами, до выплаты всѣхъ сдѣланныхъ затратъ, и за тѣмъ передать его кружку тѣхъ работниковъ, которые въ немъ

работали и впредь будутъ работать. Выплата затратъ можетъ произойти двояко: частью привлеченіемъ лицъ сочувствующихъ журналу, а частью самимъ журналомъ, причемъ можетъ быть установленъ прогрессивный вычетъ изъ подписной платы съ числа подписчиковъ: до 4 тыс. подписчиковъ, съ каждаго подписчика, скажемъ, вычитается столько-то, сверхъ 4 тыс. больше, сверхъ 5 тыс. еще больше, а 6 тыс., разъ концы съ концами будутъ сходиться, пусть хоть вся подписка цѣликомъ идетъ въ погашеніе. О подробностяхъ подобной комбинаціи я хорошенько не думалъ, такъ какъ не ожидалъ подобнаго исхода и тѣмъ болѣе въ столь внезапной формѣ, но само собою разумѣется, подробности эти могутъ быть выработаны при помощи хотя-бы М. Ф. Волькенштейна. Въ видахъ гарантіи обѣихъ сторонъ отъ убытковъ (другая сторона должна будетъ также сдѣлать послѣдующія затраты), вслѣдствіе цензурныхъ причинъ, желательно утвержденіе постояннаго редактора. Этотъ третій исходъ лично для меня не нуженъ, я заинтересованъ только въ сохраненіи журнала и возможности работать въ извѣстномъ направленіи; но если опять возникаетъ вопросъ о закрытіи журнала, потому что онъ будто-бы неудовлетворительно ведется, идетъ плохо и грозитъ убыткомъ, причины котораго возлагаются на меня, то тогда я буду просить о передачѣ журнала на основаніи п. 3, чтобы имѣть возможность возвратить или, по крайней мѣрѣ, приложить всѣ старанія къ возвращенію сдѣланныхъ затратъ и снятія съ себя нареканій. И есть, наконецъ, еще 4-й исходъ, который вы сняли съ очереди, но которому, какъ мнѣ казалось по ходу дѣла и характеру неудовольствій О. Н., слѣдовало бы стоять на первомъ мѣстѣ, это возможность вести журналъ при новомъ составѣ редакціи и сотрудниковъ. И это возможно: статей имѣется въ портфелѣ достаточно, остается только не сплошать съ текущими отдѣлами. Кто знаетъ, можетъ быть, такъ и лучше будетъ“. Записка С. Н. Кривенко съ общими предположеніями объ исходѣ дѣла поставила А. Н. Попова, по его словамъ, въ большое затрудненіе относительно того, какъ ее понимать. По словамъ г. Поссе, Поповъ спросилъ Волькенштейна, отказъ ли это на предложеніе или не отказъ, и Волькенштейнъ былъ того мнѣнія, что это отказъ. Записка С. Н. Кривенко вызвала письмо О. Н. Поповой отъ 17-го января, адресованное черезъ Волькенштейна, разсматриваемое ею какъ ultimatum и содержащее установленіе 1-го февраля 1897 г. окончательнымъ срокомъ для соглашенія о судьбѣ журнала. Оно содержитъ дословно слѣдующее: „Сегодня я прочитала записку о возможныхъ исходахъ злополуч-

наго „Новаго Слова“. Вы знаете мое желаніе передать журналъ въ Ваши руки, отказавшись отъ всѣхъ затраченныхъ мною денегъ. Я бы желала, чтобы это было извѣстно и другимъ вашимъ товарищамъ, дабы не было ложнаго толкованія относительно моихъ пожеланій воспользоваться чужими руками. Но мнѣ передавали, что Вы этого не желаете. Тогда поступайте на основаніи 3 пункта. т. е. берите журналъ, а тамъ заплатите что и когда можно будетъ. Только дѣлайте это скорѣе, потому что въ такомъ положеніи въ какомъ находится теперь дѣло, его немыслимо оставлять. Мнѣ хотѣлось только сдѣлать Вамъ небольшое замѣчаніе относительно Вашего 1-го пункта, т. е. относительно желаемаго невмѣшательства. Объ этомъ не было рѣчи съ самаго начала; напротивъ Вы всегда уговаривали меня принимать участіе и потомъ ни однимъ словомъ не обмолвились когда мое участіе сдѣлалось болѣе интенсивнымъ съ самаго перваго мѣсяца (октябрь, по поводу романа Засодимскаго, запозданія книжки и т. д.). Тоже по поводу Слѣпцова, Вы постоянно меня съ нимъ стравливали, а сами оставались въ сторонѣ и не являлись на наши переговоры. Тоже относительно иностранныхъ романовъ. Неужели Вы думаете, что для меня составляло пріятность читать сотни глупыхъ романовъ чтобы выбрать что нибудь, что въ концѣ концовъ явилось въ Вашихъ глазахъ нехорошимъ и не заслуживающимъ ни слова спасибо. Точно также относительно прочей братіи, которая участвуетъ въ дѣлѣ. Вы при покупкѣ журнала мнѣ сказали: Вы, надѣюсь ничего не имѣете противъ участія Воронцова, В. А. Тимирязева, Оболенскаго и пр. Я сказала: конечно, потому что знала, что Вы привыкли съ ними работать. Но я само собою разумѣется не подозрѣвала, что ихъ участіе является conditio sine qua non Вашего участія, потому что, ясное дѣло, никогда на это не согласилась бы и по весьма простой причинѣ. Съ однимъ человѣкомъ еще можно ладить, но брать на себя обязательство ладить всегда съ полдюжиной людей, которыхъ въ сущности я знала очень мало, было бы очевидною глупостью и ни съ чѣмъ не сообразно. Вы же не ставили вопроса прямо, а отъ того и произошла путаница. Прямо Вы поставили этотъ вопросъ въ одинъ изъ понедѣльниковъ въ передней и, я тогда же твердо рѣшила выйти изъ журнала и считаю совмѣстную работу невозможной, потому что не могу согласиться на очевидную глупость брать на себя обязательство ладить съ людьми, которыхъ я не знаю, и никогда ни въ чемъ не высказывать своего мнѣнія. разъ это мнѣніе непріятно кому нибудь изъ тѣхъ лицъ, съ которыми Вы считаете себя связанными неразрывными узами. Я могу

ихъ уважать и восхищаться ихъ произведеніями, но не могу и не хочу идти къ нимъ въ кабалу. Какъ мое, такъ и участіе А. Н. было вызвано тѣмъ, что дѣло шло неаккуратно и не давался тотъ первый сортъ, который я признаю какъ нѣчто, къ чему слѣдуетъ стремиться, разъ беремъ деньги съ подписчиковъ. Такъ вотъ, прошу Васъ, не тяните это дѣло, иначе можетъ разразиться нѣчто очень непріятное, такъ какъ у всѣхъ достаточно наболѣла душа. Дурного я Вамъ ничего не желаю, а желала и желаю только хорошаго, отчего и попала въ эту кашу, изъ которой не знаю какъ выйти сколько нибудь по хорошему. Надо пожалѣть и А. Н., который страдаетъ уже совсѣмъ напрасно. Слѣдовательно, если Вы желаете получить журналъ, то сговоритесь съ Волькенштейномъ и срокъ можно поставить 1-го февраля, такъ какъ въ февралѣ А. Н. надо ѣхать въ Смоленскъ. Если же это не состоится, то я буду считать себя свободной отъ всѣхъ обязательствъ и продамъ журналъ въ другія руки. Повторяю, что этотъ исходъ для меня не желателенъ, потому что нарушаетъ мое желаніе передать журналъ Вамъ“. Убѣждая С. Н. Кривенко какъ можно скорѣе получить журналъ, сговорившись о томъ съ Волкенштейномъ, О. Н. Попова въ виду того, что дѣла нельзя въ такомъ положеніи оставлять, назначаетъ и срокъ своего выжиданія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: срокъ можно поставить 1-го февраля, такъ какъ въ февралѣ А. Н. надо ѣхать въ Смоленскъ. По истеченіи этого срока О. Н. Попова предваряла, что она будетъ считать себя свободною отъ всѣхъ обязательствъ (т. е. въ данномъ случаѣ отъ дѣлаемыхъ ею предложеній взять журналъ по 3 пункту и что она продастъ журналъ въ другія руки, т. е. поступить по 2 пункту записки: продажа журнала на сторону). 22-го января 1897 г. А. Н. Поповъ, дѣйствуя въ общемъ интересѣ своемъ и жены, препроводилъ къ Волькенштейну проектъ подписки, которую если-бы далъ Кривенко, то передача ему журнала могла бы считаться конченною. Цѣна журнала и даже вопросъ, кто понесетъ издержки нотаріальнаго совершенія акта передачи предоставлялись усмотрѣнію С. Н. Кривенко. Въ подписку включены были слѣдующія слова: „договоръ долженъ быть совершенъ и подписанъ мною 1-го февраля 1897 г. въ конторѣ нотаріуса Бортксвича“. С. Н. Кривенко со своими сотрудниками сходившимися для переговоровъ въ кв. Вольвенштейна отнесся къ письму 17-го января слѣдующимъ образомъ: Еще до полученія этого письма г. Кривенко сталъ искать въ Петербургѣ и Москвѣ людей, которые бы, вступивъ въ дѣло, поддержали его своими де-

нежными средствами. По заявленію жалобщиковъ была у нихъ мысль о внесеніи на расходы по веденію журнала извѣстной суммы денегъ гг. С. Н. Кривенко и А. М. Скабичевскимъ. Завязались недошедшія до результата предположенія о пріобрѣтеніи журнала фирмою „Издатель", въ которой принималъ участіе М. Ф. Волькенштейнъ. 24-го января 1897 г. (воскресенье) С. Н. Кривенко сообщилъ письмомъ А. Н. Попову, что у него имѣется еще одна выгодная для О. Н. комбинація, относительно которой онъ ждетъ отвѣта изъ Москвы, а потому будьте такъ добры, писалъ онъ, подождать отвѣта до понедѣльника или самое большое до вторника (т. е. 25-го или 26-го). Въ письмѣ къ Волькенштейну (безъ числа) онъ предваряетъ, что отвѣтъ будетъ данъ только 27-го или 28-го января. Въ засѣданіи Суда чести 29-го апрѣля на спросъ Суда С. Н. Кривенко не могъ объяснить имѣлъ ли онъ въ виду, когда писалъ это письмо, отдалить срокъ развязки дѣла до 1-го февраля. Отвѣтъ на это письмо А. Н. Попова безъ числа, представленный г. Кривенко, не оставлялъ сомнѣнія, что отсрочка за первое февраля не была принята (до 1-го февраля 6 дней) и что этотъ срокъ установленъ „для окончательной развязки, а не для какихъ-то комбинацій".

Въ предѣлахъ срока до 1-го февраля, а именно 27 января 1897 г. послѣдовалъ слѣдующій, адресованный на имя М. Ф. Волькенштейна, какъ посредника, отвѣтъ на ультиматумъ О. Н. Поповой отъ С. Н. Кривенко, составленный послѣ подробнаго его обсужденія и выясненія съ ближайшими сотрудниками:

„Послѣ подробнаго обсужденія и выясненія съ ближайшими сотрудниками всѣхъ обстоятельствъ дѣла, позволю просить Васъ передать О. Н. и А. Н. Поповымъ слѣдующій мой отвѣтъ на выраженное ими желаніе передать „Новое Слово" мнѣ. Считая вопросъ о будущности журнала, на который, кромѣ большихъ матеріальныхъ затратъ, затрачено также много труда и силъ, вопросомъ серьезнымъ, я такъ и отношусь къ нему. Глубоко цѣня довѣріе и доброжелательство Ольги Николаевны, въ которыхъ не сомнѣваюсь, я все-таки не могу закрывать глазъ на обязательства, сопряженныя съ переходомъ „Новаго Слова", обязательства какъ по отношенію къ ней самой и ея затратамъ, такъ и къ другимъ лицамъ, которыя дадутъ средства на продолженіе дѣла, а равно и по отношенію къ подписчикамъ. Первою своею обязанностію я долженъ считать слѣдующее: Подумать о томъ, чтобы изданіе стояло прочно и чтобы ни одна изъ сторонъ не понесла-бы ущерба. Для этого-же необходимо, чтобы журналъ твердо стоялъ въ цензурномъ

отношенiи, т. е. былъ обезпеченъ съ внѣшней стороны новымъ редакторомъ и солиднымъ и благонадежнымъ оффицiальнымъ издателемъ. По отношенiю къ редакторству это можетъ быть достигнуто немедленной подачей прошенiя о соредакторствѣ А. М. Скабичевскаго, причемъ, въ случаѣ отказа, немедленно-же будутъ представлены другiя лица (въ случаѣ согласiя могу заручиться въ теченiе недѣли согласiемъ нѣсколькихъ лицъ). Надѣюсь, что Александръ Николаевичъ, знающiй цензурныя условiя, не откажется охранить журналъ своимъ именемъ на время хлопотъ по утвержденiю новаго редактора, такъ какъ ясно, что безъ редактора журналъ не можетъ выходить или, въ лучшемъ случаѣ, будетъ постоянно висѣть на волоскѣ. Только при этомъ условiи и можно считать журналъ и его подписчиковъ сколько-нибудь обезпеченными въ цензурномъ отношенiи, и есть возможность взять на себя дальнѣйшiя заботы о матерiальной и литературной будущности журнала и о продолженiи его дѣятельности въ томъ-же направленiи. При согласiи А. Н. охранить журналъ въ перiодъ хлопотъ о новомъ редакторѣ, я могу заключить нотарiальный договоръ съ Ольгою Николаевною на слѣдующихъ основанiяхъ: 1) Беря на себя всѣ обязательства по удовлетворенiю подписчиковъ текущаго года и сотрудниковъ, 2) я обязуюсь постепенно изъ доходовъ изданiя погасить полностью всѣ сдѣланныя Ольгою Николаевною затраты на журналъ, причемъ можетъ быть установленъ, по ея выбору, одинъ изъ слѣдующихъ трехъ способовъ погашенiя: а) что я обязуюсь всю прибыль отдавать въ погашенiе (не увеличивая, а сокративъ, насколько возможно, расходы противъ теперешнихъ) или b) буду уплачивать, независимо отъ числа подписчиковъ, съ каждаго подписчика до 4 т. извѣстную, установленную по взаимному соглашенiю, долю, съ 4 до 5 т.—долю бо́льшую, съ 5 до 6 т. еще бо́льшую и т. д., и с) или-же слѣдующiй среднiй между этими двумя порядокъ: если до 1 октября 1898 г. чистаго дохода не будетъ, то пропорцiональный вычетъ съ числа подписчиковъ все равно имѣетъ начаться: до 4 т. подписчиковъ по 1 руб.; отъ 4 до 5 т. съ количества до 4 т. тоже по 1 руб., а съ превышающаго 4 т. по 2 р., отъ 5 до 6 т. подписчиковъ съ количества, превышающаго 5 т. подписчиковъ, по 3 руб. и т. д., независимо отъ возможности уплатъ изъ чистыхъ прибылей, если таковыя будутъ. 3) Прошу Ольгу Николаевну сохранить залогъ до 1-го января 1898 года. 4) Такъ какъ по наведеннымъ мною справкамъ, выступить мнѣ лично, въ качествѣ оффицiальнаго издателя, рискованно для журнала, то мнѣ предоставляется право выставить вмѣсто себя другое лицо (имѣю въ

виду, С. А. Разаліонъ-Сашальскую, а въ крайнемъ случаѣ г. Офросимова), причемъ означенное лицо приметъ на себя и сохранитъ всѣ обязательства по отношенію къ Ольгѣ Николаевнѣ, которыя будутъ приняты мною. 5) Если по цензурнымъ условіямъ или другимъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, окажется невозможнымъ продолжать изданіе, то обязуюсь продать журналъ и всю чистую выручку возвратить Ольгѣ Николаевнѣ или разверстать ее равномѣрно между ея первоначальными затратами и послѣдующими затратами. 6) Въ случаѣ закрытія журнала по цензурнымъ условіямъ, отвѣтственности по договору взять на себя не могу. 7) Въ случаѣ моей смерти, обязательства мои переходятъ къ литературному кружку (который я образую), въ лицѣ избраннаго имъ и указаннаго мною представителя; если-же кружокъ не пожелаетъ принять на себя этихъ обязательствъ, а Ольга Николаевна пожелаетъ въ такомъ случаѣ взять журналъ обратно, то онъ переходитъ къ ней. Вотъ въ общихъ чертахъ основанія, на которыхъ, по моему мнѣнію, возможенъ переходъ журнала“.

Ольга Николаевна Попова ни въ какіе новые переговоры по письму 27-го января не вступала и никакого отвѣта на письмо 27-го января не дала. Сотрудники „Новаго Слова“ сходились по приглашенію Волькенштейна 1-го февраля въ его квартирѣ. Въ засѣданіе это не явились О. Н. и А. Н. Поповы.—Г. Волькенштейнъ по показанію С. Н. Кривенко (29-го апр.) сообщилъ, что журналъ остается по прежнему за Поповою, что противъ сотрудниковъ Поповы ничего не имѣютъ, но желаютъ быть хозяевами дѣла. Недоумѣвая, что значатъ эти слова, такъ какъ Поповы и безъ того хозяева журнала, С. Н. Кривенко писалъ, прося разъясненія, къ Волькенштейну, но отвѣта не получилъ; такимъ образомъ его требованіе имѣть письменное изложеніе измѣненій, которыя О. Н. Попова пожелала бы произвести въ настоящей организаціи журнала, не было удовлетворено. 3-го февраля г-жа Попова посѣтила редакцію и объяснилась безъ свидѣтелей съ С. Н. Кривенко. По словамъ С. Н. Кривенко и Скабичевскаго (письма ихъ отъ 9-го февраля) она выразила желаніе, чтобы все осталось по-прежнему, что нужно только переговорить о подробностяхъ послѣ отправки февральской книжки въ цензуру. Въ своемъ письмѣ отъ 11-го февраля О. Н. Попова оспариваетъ этотъ фактъ и даетъ ему иное значеніе и окраску: Я высказывала сожалѣніе о недоразумѣніяхъ и предлагала переговорить по выходѣ книжки, но не говорила, что все можетъ остаться по-старому, такъ какъ А. Н. заявилъ, что онъ не остается редакторомъ, если все останется по-прежнему. Она

утверждаетъ, что совѣщалась только о продолженіи неотложной общей работы по журналу впредь до развязки. Развязка эта послѣдовала въ промежутокъ времени отъ 4-го до 9-го февраля, когда появился въ качествѣ соискателя на пріобрѣтеніе журнала М. Н. Семеновъ.

Осенью 1896 г. М. Н. Семеновъ заходилъ въ редакцію „Новаго Слова" и познакомился съ С. Н. Кривенко, А. М. Скабичевскимъ и А. Н. Поповымъ, сталъ въ журналѣ принимать нѣкоторое участіе, замѣчалъ въ редакціи разладъ и узналъ отъ г. Поссе, что журналъ продается, что г. Кривенко отказался его пріобрѣсти, что О. Н. Попова намѣрена прекратить журналъ, если откажется отъ принятія его литературный фондъ, которому издательница намѣрена его пожертвовать. Г. Семеновъ утверждаетъ, что 3-го февраля онъ задумалъ купить журналъ у г-жи Поповой для себя самого.—Когда онъ обратился съ этимъ предложеніемъ къ А. Н. Попову, то сей послѣдній, распросивъ Семенова о планахъ издательства и направленіи журнала, посовѣтывалъ ему скорѣе поѣхать къ О. Н. Поповой, собирающейся уже въ тотъ-же день ѣхать въ литературный фондъ. Семеновъ засталъ ее отъѣзжающею, она выслушала его и довольно скоро согласилась. Онъ возвратился въ редакцію и того-же дня снесся съ доцентомъ университета С. Н. Булгаковымъ, П. К. Милюковымъ и Струве, приглашая ихъ участвовать въ журналѣ и отправился въ Москву для переговоровъ съ нѣкоторыми тамошними литераторами. При отъѣздѣ онъ получилъ отъ А. Н. Попова обѣщаніе, обязательное для Поповыхъ, до его возвращенія изъ Москвы никому журналъ не продавать. Семеновъ уплатилъ О. Н. Поповой 20 т. руб. и долженъ еще уплатить въ разсрочку около 26 т. руб., чѣмъ не будутъ еще покрыты сполна сдѣланныя ею на журналъ затраты.

По вопросу о томъ, держали-ли Поповы въ тайнѣ свое намѣреніе продать журналъ Семенову имѣются въ дѣлѣ слѣдующія данныя.—По словамъ Семенова при немъ 4-го февраля А. Н. Поповъ сообщилъ Вольконштейну, что есть покупатель на журналъ, котораго онъ однако Вольконштейну не назвалъ. По словамъ С. Н. Кривенко 4-го или 5-го февраля докторъ Офросимовъ сообщилъ ему, что журналъ проданъ, о чемъ сказалъ ему г. Поссе. Встрѣтивъ въ Союзѣ писателей Н. К. Михайловскаго, О. Н. Попова на вопросъ его о продажѣ, факта продажи не отрицала, но не считала эту продажу конченною. Того-же числа въ пятницу (значитъ 7-го февраля), зная, что уже разгласилось, что „Новое Слово" должно перейти къ марксистамъ, О. Н. Попова обратилась письменно къ Н. К.

Михайловскому, какъ къ лицу особенно ею уважаемому, съ объясненіями о Семеновѣ, какъ о покупщикѣ журнала, который поѣхалъ теперь въ Москву и тогда (т. е. по возвращеніи) пріобрѣтетъ-ли онъ журналъ или нѣтъ—дастъ отвѣтъ. По словамъ В. А. Поссе Семеновъ. уѣзжая въ Москву, не далъ положительнаго обѣщанія купить журналъ, слѣдовательно могъ отъ покупки отказаться.

Возвратившись изъ Москвы 9-го февраля онъ заѣхалъ къ С. Н. Кривенко, засталъ тамъ Скабичевскаго и Оболенскаго и имѣлъ съ ними четверть часа длящійся разговоръ, содержаніе котораго нѣсколько различно передается участвовавшими тамъ лицами. Всѣ согласны, что Семеновъ объявилъ о покупкѣ журнала, какъ о безповоротномъ фактѣ. По словамъ Оболенскаго, Семеновъ пріѣхалъ объясниться, чтобы его поступокъ не былъ сочтенъ неблаговиднымъ, но сотрудничества Кривенко не предлагалъ. Семеновъ утверждаетъ. что спросилъ С. Н. Кривенко, не имѣетъ ли онъ чего-нибудь противъ него, Семенова, на что получилъ отвѣтъ отъ Кривенко, что не имѣетъ. На предложеніе сотрудничества онъ отвѣчалъ отрицательно, говоря, что не пойдетъ подъ режимъ Попова и Поссе. По словамъ Кривенко, Семеновъ пріѣзжалъ просить о сотрудничествѣ, на что получилъ отвѣтъ, что если журналъ будетъ того же направленія, то мы будемъ въ немъ работать. Впрочемъ до формальнаго еще перехода журнала къ Семенову, состоявшагося по домашнему условію 12 февраля, отправлено было, обращенное къ О. Н. Поповой коллективное заявленіе А. М. Скабичевскаго и С. Н. Кривенко отъ 9-го февраля, о выходѣ изъ журнала послѣ заключенія февральской книжки. Мотивомъ выхода поставлено то обстоятельство, что фактъ переговоровъ издателя о продажѣ журнала безъ вѣдома приглашенной имъ редакціи означаетъ не только полное пренебреженіе къ личности сотрудниковъ, но врядъ-ли допустимъ даже въ исключительныхъ коммерческихъ отношеніяхъ. Онъ показываетъ полное пренебреженіе къ общественному значенію „Новаго Слова“ и къ той идеѣ, которой прежніе сотрудники служили. Авторы письма предваряли, что для снятія литературной отвѣтственности передъ читателями они заявятъ о выходѣ своемъ въ газетахъ. Они это сдѣлали въ коллективномъ заявленіи отъ 11 лицъ (въ томъ числѣ С. Кривенко, А. Скабичевскій, Я. Абрамовъ, Л. Оболенскій и другіе) отъ 13-го февраля въ Петербургскихъ газетахъ.

На это письмо отъ 9-го февраля (воскресенье) послѣдовалъ отвѣтъ О. Н. Поповой 11-го февраля (вторникъ), заканчивающій переписку между ею и бывшими сотрудниками „Новаго Слова“. Изъ этого письма видно, что передача журнала еще не можетъ счи-

таться фактомъ оконченнымъ, такъ какъ дѣло рѣшено будетъ только въ среду (т. е. 12-го февраля). Послѣ перехода журнала къ Семенову А. Н. Поповъ еще теперь остается временно редакторомъ журнала. Въ письмѣ отъ 11-го февраля О. Н. Попова предлагаетъ гг. Кривенко и Скабичевскому ихъ редакторское вознагражденіе по конецъ подписного года, т. е. по 1-е октября 1897 г., каковое предложеніе было ими отвергнуто съ негодованіемъ. О. Н. Попова выражаетъ въ этомъ письмѣ сожалѣніе о томъ, что случилось, и винитъ себя въ томъ, что вступила въ общеніе съ людьми и приняла отвѣтственное предпріятіе, не узнавъ достаточно особенности людей, съ которыми сблизилась на общественномъ дѣлѣ. Она предлагаетъ гг. Кривенко и Скабичевскому обращаться къ новому собственнику и къ новой редакціи, потому что „какъ никакъ, а мы выходимъ (изъ журнала) съ Вами вмѣстѣ". Въ мартовской книжкѣ „Новаго Слова" помѣщено было обращеніе къ подписчикамъ О. Н. Поповой, предлагающее тѣмъ изъ подписчиковъ журнала, которые бы вслѣдствіе выхода изъ журнала 11 сотрудниковъ, подписавшихъ заявленіе 13-го февраля, не пожелали его получать, возвратить имъ подписную сумму за послѣдніе полгода.

По обвиненію О. Н. Поповой жалобщиками гг. Абрамовымъ и Скабичевскимъ въ томъ, что она поступила неправильно, передавая журналъ, который она вела два года въ извѣстномъ направленіи, людямъ, принадлежащимъ къ партіи, придерживающейся иного направленія, имѣются въ дѣлѣ слѣдующіе факты. Изъ показанія свидѣтеля Н. К. Михайловскаго оказывается, что 7-го февраля въ Союзѣ взаимопомощи О. Н. Попова пришла въ смущеніе на вопросъ его: точно ли она продаетъ журналъ марксистамъ, и отвѣчала, что Семеновъ не имѣетъ съ марксистами ничего общаго, что и подтвердила въ письмѣ Михайловскому того же числа (пятница 7-го февраля), изъ котораго видно, что: 1) о марксизмѣ не было и рѣчи, когда она условливалась съ Семеновымъ о журналѣ, и 2) что по ея понятіямъ Семеновъ, писавшій въ журналѣ о народныхъ школахъ, ближе подходитъ къ народникамъ. По мнѣнію Михайловскаго Попова, вѣроятно, не знала, какого направленія Семеновъ. Онъ полагаетъ, что передача журнала марксистамъ была дѣйствіемъ неправильнымъ, потому что существуетъ острая и принципіальная разница между народниками и марксистами, но онъ признаетъ, что имѣются и смягчающія вину О. Н. Поповой обстоятельства, заключающіяся во 1) въ объявленіи Поповой, предлагающемъ подписчикамъ возвратъ имъ подписныхъ денегъ за время до 1-го ок-

тября 1897 г.; во 2) въ нашихъ литературныхъ нравахъ, допускающихъ совмѣстное постоянное сотрудничество однихъ и тѣхъ же писателей въ журналахъ весьма различныхъ направленій, въ 3) наконецъ въ томъ, что она не знала, какому собственно направленію принадлежитъ г. Семеновъ.

Разсмотрѣвъ это дѣло, судьи не пришли при разрѣшеніи его къ единогласію и постановили опредѣленіе по большинству голосовъ двухъ членовъ: В. А. Манасеина и П. П. Фанъ-деръ-Флита противъ В. Д. Спасовича, оставшагося при особомъ мнѣніи.

В. Д. Спасовичъ полагалъ:

что главный вопросъ, подлежащій разрѣшенію по настоящему дѣлу, заключается въ томъ: имѣютъ ли бывшіе сотрудники журнала „Новое Слово", принесшіе жалобу на О. Н. Попову, гг. Абрамовъ и А. Скабичевскій, какое бы то не было имущественное, хотя бы и не оформленное юридическое право на этотъ журналъ, которое могло быть нарушено продажею журнала М. Н. Семенову? Съ г-жею Поповою никогда въ договорныхъ отношеніяхъ они не состояли, никогда съ нею не условливались и не объяснялись о цѣли, съ какою ею пріобрѣтенъ журналъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что журналъ былъ купленъ О. Н. Поповою ради С. Н. Кривенко, ради его литературной дѣятельности; что г. Кривенко привыкъ работать съ людьми извѣстнаго направленія, къ которому принадлежала и г-жа Попова; что онъ приглашалъ сотрудниковъ, которые поступали въ журналъ на условіяхъ крайне умѣренныхъ и получали за свой трудъ менѣе, чѣмъ могли бы получать въ другихъ органахъ печати, на что были согласны, потому что надѣялись, что современемъ журналъ станетъ, какъ говорятъ, на ноги и можетъ быть, что онъ сдѣлается современемъ кружковымъ, компанейскимъ. По убѣжденіямъ не только гг. Абрамова и Скабичевскаго, но и другихъ спрошенныхъ по дѣлу сотрудниковъ, напримѣръ, гг. Оболенскаго и Максимова журналъ „Новое Слово" съ самаго начала покупки его г-жею Поповою отъ Баталина былъ артельный, компанейскій, но основанія, почему они считаютъ его компанейскимъ, не доказываются и даже не указываются сотрудниками, такъ что пришлось бы предположить, что требованія сотрудниковъ основываются на правѣ только подразумѣваемомъ, но именно такія подразумѣваемыя имущественныя права логически не допустимы, а въ данномъ случаѣ подобное предположеніе не подтверждается единственнымъ лицомъ,

съ которымъ объяснялась о цѣли журнала и переписывалась г-жа Попова, а именно съ С. Н. Кривенко, и опровергается всѣми документальными данными по настоящему дѣлу. Въ своемъ показаніи, данномъ Суду чести 29-го апрѣля, С. Н. Кривенко удостовѣрилъ, что письменныхъ условій съ О. Н. Поповою у него не было никакихъ, а на словахъ предполагалось, что журналъ современемъ (а не теперь) перейдетъ къ кружковой группѣ.

Съ этимъ показаніемъ вполнѣ согласуется и та часть письма О. Н. Поповой, отъ 18-го октября 1895 г., котораго С. Н. Кривенко не передалъ суду для пріобщенія къ дѣлу, но указалъ только на одно въ немъ мѣсто, которое было тогда же изъ него выписано: „я остаюсь съ журналомъ, который я устраивала для Васъ и для тѣхъ лицъ, которыя могутъ съ Вами работать, и что же тогда я заведу". Этотъ отрывокъ выражаетъ, что О. Н. Попова пріобрѣла журналъ не для себя, а съ тѣмъ, чтобы его велъ Кривенко и взялъ на себя устроиться въ немъ современемъ со своими сотрудниками, когда журналъ пойдетъ и, какъ говорятъ, когда онъ станетъ на ноги, т. е. когда онъ сдѣлается окупающимся предпріятіемъ. До самой передачи журнала Семенову журналъ издаваемъ былъ г-жею Поповою себѣ въ убытокъ и представлялъ, такимъ образомъ, цѣнность отрицательную, которую могъ бы на себя взять, даже въ виду надежды на будущее, только денежный человѣкъ. Что же касается до сотрудниковъ, то взять на себя эту тягость, хотя бы при условіи производства только дальнѣйшихъ затратъ, было для нихъ неудобно, по крайней мѣрѣ не видно, чтобы ими были дѣлаемы какія либо серіозныя попытки до января 1897 г., въ этомъ направленіи. При такомъ положеніи дѣла, въ которомъ оно было въ этотъ моментъ, сотрудники могли считать журналъ компанейскимъ никакъ не въ настоящемъ, а только въ будущемъ, т. е. тогда, когда успѣхъ его сдѣлаетъ существованіе его обезпеченнымъ и только при наступленіи этого условія, а также при наличности еще другого условія, а именно доброй воли С. Н. Кривенко, взять журналъ отъ Поповой и передать его имъ. Никому кромѣ С. Н. Кривенко г-жа Попова не сообщала своихъ намѣреній по отношенію къ журналу, слѣдовательно сотрудники столь же мало могли претендовать на то чтобы считать себя дольщиками въ предпріятіи, какъ мало могутъ, напримѣръ, считать себя

наслѣдниками имущества лица, имѣющія только предполагаемое право наслѣдованія послѣ наслѣдодателя, пока онъ остается въ живыхъ. Они были только предполагаемыми въ будущемъ, а не настоящими правопріемниками г-жи Поповой по журналу.

Когда во второй половинѣ 1896 г. возникли обострившіяся неудовольствія между О. Н. Поповой и сотрудниками „Новаго Слова", вслѣдствіе усиливающагося ея вмѣшательства въ литературную часть журнала, ни свойства котораго, ни пользы или вреда для журнала Судъ чести не призванъ по настоящему дѣлу обсуждать, когда вслѣдствіе сего издательница рѣшилась освободиться отъ издательства, а мужъ ея А. Н. Поповъ—отъ оффиціальнаго редакторства, то между обѣими сторонами съ одной стороны О. Н. и А. Н. Поповыми, а съ другой С. Н. Кривенко, совѣщавшійся съ своими сотрудниками, произошелъ обмѣнъ устныхъ и письменныхъ сообщеній, которыя особенно характерны именно тѣмъ, что даютъ основаніе заключать о способѣ пониманія переговаривающимися своихъ правъ на журналъ. Въ засѣданіи 11-го января 1897 года гг. Поповыми было предложено С. Н. Кривенко взять на себя журналъ безъ всякаго за то вознагражденія Поповой. Для дѣла безразлично, сказалъ ли на это Кривенко: „хоть сейчасъ", какъ утверждаетъ г. Поссе, или ничего опредѣлительнаго не сказалъ. Но несомнѣнно то, что 13-го января Кривенко отклонилъ предложеніе какъ оскорбительное для него или, по крайней мѣрѣ, какъ неделикатное, такъ какъ онъ не привыкъ что-либо получать даромъ. Если-бы журналъ былъ уже кружковой, то, какъ представитель и глава группы сотрудниковъ, С. Н. Кривенко не вправѣ былъ бы дать такой отрицательный отвѣтъ, лично отъ себя, потому что не имѣлъ никакого права распоряжаться вещью, принадлежащею кружку, а за предложеніе взять эту вещь даромъ не имѣлъ бы онъ никакого основанія лично обижаться, такъ какъ безмездная передача относилась не къ нему, а къ кружку.

Настоящимъ отвѣтомъ на запросъ 11-го января послужила записка С. Н. Кривенко, безъ числа съ общими предположеніями о разрѣшеніи затрудненій, которая сдѣлалась основаніемъ и программою всѣхъ послѣдующихъ переговоровъ. Въ этой запискѣ С. Н. Кривенко предлагаетъ О. Н. Поповой четыре исхода и не дѣлаетъ между ними выбора, значитъ

предоставляетъ Ѳ. Н. Поповой остановиться на любомъ изъ нихъ, если она рѣшится его избрать.

Первый исходъ, прямо противный заявленному желанію Поповыхъ, раздѣлаться съ журналомъ, и потому прямо невозможный, заключается въ предложеніи издательства, съ полнымъ однако устраненіемъ Поповой отъ вмѣшательства въ литературную сторону журнала, изъ-за чего и былъ ею поставленъ вопросъ о выходѣ ея изъ журнала.

Второго исхода—продажи журнала на сторону не только не оспариваетъ С. Н. Кривенко, но признаетъ его самымъ естественнымъ, разъ издательница заявляетъ категорически, что не желаетъ продолжать издательство. С. Н. Кривенко не дѣлаетъ никакихъ оговорокъ, для охраненія сотрудниковъ отъ послѣдствій перехода журнала въ чужія руки, что онъ неминуемо сдѣлалъ бы, если бы право это существовало, тѣмъ болѣе, что онъ же самъ этихъ сотрудниковъ привлекъ въ журналъ за сравнительно низкое вознагражденіе.

Въ полномъ непризнаніи этихъ правъ сотрудниковъ со стороны Кривенко убѣждаетъ четвертый исходъ, состоящій въ томъ, чтобы всѣхъ настоящихъ сотрудниковъ уволить, а набравъ совершенно новый составъ редакціи, съ нимъ продолжать вести журналъ. С. Н. Кривенко не затрудняется вовсе при мысли, что совсѣмъ новый составъ редакціи будетъ имѣть неизбѣжно иное направленіе, чѣмъ прежній, потому только, что онъ будетъ избранъ изъ новыхъ людей. Онъ совѣтовалъ поставить этотъ исходъ на первомъ планѣ и присовокупляетъ: „можетъ быть такъ и лучше будетъ".

Что касается до послѣдняго исхода, поставленнаго въ запискѣ подъ цифрою 3, то онъ только одинъ касается лицъ, жалующихся по настоящему дѣлу на Ѳ. Н. Попову, потому что состоитъ въ передачѣ журнала литературнымъ работникамъ. С. Н. Кривенко относится къ нему почти отрицательно („этотъ третій исходъ для меня не нуженъ"). Онъ допускаетъ этотъ способъ только при существованіи категорическаго желанія Поповыхъ передать журналъ кружку литературныхъ работниковъ, которые въ немъ работали или будутъ работать. Передача эта и не предполагается вовсе г. Кривенко въ настоящемъ, а только въ отдаленномъ будущемъ, когда: либо въ журналѣ концы будутъ сходиться съ концами, либо привлеченъ будетъ кто-либо изъ сочувствующихъ журналу лицъ, который согласится давать деньги

и покрыть затраты Поповыхъ; но этотъ человѣкъ не указанъ, а можетъ быть и совсѣмъ не имѣлся въ виду. На возвращеніе затратъ Поповы не разсчитывали, но когда 11-го января они предлагали передать журналъ тотчасъ и даромъ, то они вмѣстѣ съ тѣмъ и полагали, что С. Н. Кривенко единолично или съ своимъ кружкомъ, освободитъ ихъ отъ обязательствъ передъ подписчиками за 7 мѣсяцевъ до окончанія подписного года, т. е. до 1-го октября. Г. Кривенко не затрогиваетъ этого вопроса, право собственности оставляется имъ за Поповыми до возвращенія имъ затратъ. Это возвращеніе при неимѣніи въ виду капиталиста возможно только съ подписки предполагающейся къ полученію съ 1-го октября 1897 года и разумѣется если у журнала концы будутъ сходиться съ концами. Лишь затѣмъ можетъ произойти передача журнала кружку работниковъ.

Изъ четырехъ исходовъ, предлагаемыхъ въ запискѣ г. Кривенко, первый и четвертый не могли быть приняты Поповыми, четвертый потому, что О. Н. Попова не была намѣрена ни въ какомъ случаѣ вести журналъ, даже и съ новымъ составомъ редакціи, а первый потому, что съ ея стороны подчиниться условію невмѣшательства было бы равносильно сдачѣ ею себя, такъ сказать, на капитуляцію, что она и выразила потомъ (письмо 17-го января) словами, которыхъ смыслъ таковъ: „не могу и не хочу идти въ кабалу къ людямъ, которыхъ я не знаю и съ которыми вы себя считаете связанными неразрывными узами“. Въ своемъ письмѣ 17-го января, отъ котораго она не отступилась и которое можетъ быть разсматриваемо какъ ея ультиматумъ, т. е., какъ ея окончательное предложеніе, она предоставляетъ себѣ поступить по своему усмотрѣнію послѣ 1-го февраля, считая себя послѣ этого срока свободною во всѣхъ отношеніяхъ, значитъ она твердо придерживается исхода второго, указаннаго въ запискѣ по наступленіи срока. До срока 1-го февраля она беретъ за базисъ возможныхъ соглашеній съ Кривенко только одинъ пунктъ 3-й записки, на который она указываетъ и о котораго сообщеніи сотрудникамъ она настаиваетъ. Это мѣсто въ письмѣ 17-го января есть первое въ дѣлѣ ея обращеніе къ группѣ сотрудниковъ, какъ могущему образоваться собирательному лицу. Она выражаетъ, что предпочла бы передать журналъ С. Н. Кривенко, но слышала, что онъ этого не желаетъ, а потому обращается къ совокуп-

ности сотрудниковъ, не называя никого: „берите журналъ, а тамъ заплатите мнѣ, что и когда можно будетъ“. Она не прочь отъ того, чтобы журналъ передать сотрудникамъ, но не желаетъ приходить съ ними въ соприкосновеніе и требуетъ при передачѣ журнала посредничества Кривенки въ слѣдующихъ словахъ: „я не подозрѣвала, что соучастіе есть conditio sine qua non Вашего участія: я бы никогда на это не согласилась. Съ однимъ человѣкомъ можно ладить, но не съ полдюжиной“. Прошу Васъ, написала она, не тяните дѣло, иначе оно можетъ разразиться чѣмъ нибудь непріятнымъ. Самый срокъ 1-го февраля былъ такимъ образомъ поставленъ въ письмѣ 17-го января („можетъ быть назначенъ“), что если бы С. Н. Кривенко пожелалъ предложить другой какой нибудь не далекій, но во всякомъ случаѣ точно опредѣленный срокъ, то можетъ быть и послѣдовало бы согласіе Поповой на эту короткую отсрочку. О такой отсрочкѣ Кривенко не просилъ. Онъ писалъ о новой комбинаціи, которую придумалъ, но получилъ отвѣтъ, что отъ него ожидается только согласіе или несогласіе на предложеніе О. Н Поповой, а оно требовалось только по 3-му пункту. За четыре дня до срока, а именно 27-го января онъ написалъ письмо, на которое уже не послѣдовало отвѣта. Господа жалобщики по настоящему дѣлу считаютъ О. Н. Попову неправильно поступившею въ томъ отношеніи, что она, получивъ это письмо, не указала тѣхъ измѣненій, при допущеніи которыхъ соглашеніе могло бы состояться. По мнѣнію члена суда В. Д. Спасовича это обвиненіе вполнѣ неосновательно, потому что письмо 27 января сводится цѣликомъ къ слѣдующимъ двумъ главнымъ положеніямъ: 1) разрѣшеніе вопроса по пункту третьему записки, принятому за базисъ переговоровъ О. Н. Поповою, С. Н. Кривенко отодвигаетъ въ неопредѣленную даль, оставляя открытымъ вопросъ о самой возможности таковаго рѣшенія. Изъ 7 пункта письма 27-го января оказывается: а) что кружокъ пріобрѣтателей журнала изъ сотрудниковъ еще не образованъ; б) что когда С. Н. Кривенко при жизни своей рѣшится его образовать, то кружокъ выберетъ своего представителя; в) что затѣмъ кружокъ можетъ быть и не пожелаетъ принять на себя журналъ, тогда журналъ какъ безхозяйный предметъ опять свалится на г-жу Попову, которая объявила уже прежде, что хочетъ только одного: чтобы

отъ журнала отвязаться. Вся эта часть письма 27-го января, по мнѣнію В. Д. Спасовича, справедливо признана была А. Н. Поповымъ и О. Н. Поповою за полный отказъ отъ исхода по 3 пункту. Всѣ остальные пункты письма 27-го января воспроизводятъ въ совокупности только исходъ первой записки С. Н. Кривенко, т. е. безсрочное продолженіе дѣла, какъ оно до того времени велось, съ оффиціальнымъ редакторомъ А Н. Поповымъ. Издательства журнала не беретъ на себя Кривенко, такъ какъ это для журнала было бы рисковано Изъ предлагаемыхъ имъ въ издатели лицъ одинъ докторъ Офросимовъ былъ Поповымъ неизвѣстенъ, отъ отсутствующей Разаліонъ-Сашальской г. Кривенко не имѣлъ надлежащей довѣренности. Такъ какъ оба эти лица и не представлялись лицами обладающими денежными средствами, то они были только подставными издателями, а отвѣтственность за продолженіе издательства до 1-го октября 1897 г. лежала бы всецѣло на одной О. Н. Поповой. Такъ какъ первый исходъ былъ уже принципіально въ полномъ его составѣ О. Н. Поповою отвергнутъ въ письмѣ 17-го января, то и возобновленное въ письмѣ 27-го января предложеніе того же самаго исхода, хотя бы и въ иной болѣе подробно излагающей его редакціи не вызвало необходимости новаго отрицательнаго отвѣта. Предлагать какія либо измѣненія, которыя были бы г-жѣ Поповой желательны, Попова не только не желала, но и не могла коль скоро она отвергала исходъ первый вполнѣ, въ самомъ его коренномъ основаніи, что и выражено было гг. Поповыми и Волькенштейномъ въ собраніи 1-го февраля словами, что Поповы желаютъ оставаться хозяевами дѣла, т. е. что они не подчиняются условію своего невмѣшательства въ литературную сторону дѣла. Ни 1-го февраля, ни 3-го февраля, когда О. Н. Попова бесѣдовала въ редакціи съ С. Н. Кривенко, она не имѣла еще никакого представленія о какой бы то ни было развязкѣ, возможность которой возникла только тогда, когда М. Н. Семеновъ заявилъ свое желаніе пріобрѣсти журналъ.

Онъ это предложеніе сдѣлалъ 4-го февраля, въ тотъ самый моментъ, когда уже у Поповой была рѣшимость закрыть журналъ, т. е. предложить подписчикамъ взять обратно деньги за неизданныя еще книжки подписного года, или предложить журналъ даромъ литературному фонду. Соглашеніе состоя-

лось внезапно, при чемъ О. Н. Попова тутъ-же должна была связать себя по отношенію къ Семенову своимъ безповоротнымъ словомъ о предоставленіи ему журнала, но что касается до него, то онъ обезпечилъ себѣ полную свободу взять назадъ свое предложеніе послѣ поѣздки въ Москву, куда онъ ѣхалъ для переговоровъ относительно предпріятія съ другими лицами.—Такъ какъ О. Н. Попова имѣла основаніе считать себя свободною въ распоряженіи журналомъ послѣ 1-го февраля, то увѣдомлять сотрудниковъ о своемъ предварительномъ и со стороны Семенова вполнѣ условномъ соглашеніи съ симъ послѣднимъ она не была обязана. Супруги Поповы не только не скрывали перехода журнала къ Семенову, но сообщали о томъ другимъ лицамъ безъ оговорокъ о неразглашеніи, напримѣръ Волькенштейну и Поссе, такъ что фактъ переговоровъ съ Семеновымъ былъ уже общеизвѣстенъ до возвращенія Семенова изъ Москвы. О немъ говорили въ союзѣ взаимопомощи русскихъ писателей, объ этомъ обстоятельствѣ освѣдомлялся у Поповой 7-го февраля въ собраніи союза Н. К. Михайловскій. Свойство предварительнаго соглашенія съ Семеновымъ 4-го февраля было таково, что недопускало уже по возвращеніи Семенова никакой возможности предложить сотрудникамъ не пожелаютъ-ли они взять журналъ на тѣхъ-же условіяхъ, на которыхъ желаетъ взять Семеновъ; при томъ если бы это предложеніе было сдѣлано, то едва-ли бы оно могло имѣть какое либо практическое значеніе, такъ какъ на сколько можно судить по всему ходу предшествовавшихъ переговоровъ ни у С. Н. Кривенко, ни у сотрудниковъ не имѣлось достаточныхъ денежныхъ средствъ, которыми-бы они располагали.

Что касается до обвиненія О. Н. Поповой въ томъ, что продажею журнала М. Н. Семенову она уступила его группѣ лицъ иного направленія нежели то, къ которому принадлежатъ сотрудники „Новаго Слова“ въ тѣ два года, когда она была издательницею, то это обвиненіе членъ суда В. Д. Спасовичъ считаетъ неосновательнымъ, какъ вообще такъ и въ особенности въ примѣненіи его къ О. Н. Поповой. Литература, конечно, требуетъ, чтобы писатели были устойчивы въ своихъ убѣжденіяхъ, чтобы они ихъ не мѣняли неискренно изъ-за личныхъ видовъ, чтобы они не переходили изъ одного лагеря въ другой прямо ему враждебный, но это начало относится къ главнымъ идейнымъ теченіямъ непримиримымъ

между собою, а не къ разновидностямъ одного и того-же теченія, расходящимся не въ цѣляхъ, которыя, можетъ быть, у нихъ одинаковы, а въ путяхъ для достиженія этихъ цѣлей. Извѣстно, что писатель можетъ мѣнять свои взгляды на общественные вопросы и что происходятъ постоянныя перемѣны въ группировкѣ сотрудниковъ по газетнымъ программамъ. Оба направленія народническое, къ которому себя причисляютъ бывшіе сотрудники „Новаго Слова", и марксистское, къ которому принадлежатъ г. Семеновъ и его теперешніе сотрудники, имѣютъ то общее качество, что они не только прогрессивныя, но и радикальныя. Оба борются съ капитализмомъ, хотя и разными способами, что не даетъ основанія считать марксистовъ сторонниками буржуазіи.—Что касается лично до г-жи Поповой, то свидѣтель Н. К. Михайловскій, не одобряющій передачу „Новаго Слова" марксистамъ, привелъ въ пользу О. Н. Поповой три смягчающія ея вину обстоятельства, которыя членъ суда В. Д. Спасовичъ считаетъ вполнѣ извиняющими ее. Первое изъ нихъ заключается въ предложеніи ея возвратить подписчикамъ подписныя деньги, вторымъ являются наши литературные нравы, допускающіе писателю участвовать одновременно въ нѣсколькихъ органахъ печати прямо противоположныхъ и рѣзко полемизирующихъ другъ съ другомъ, чему безуспѣшно старалась противодѣйствовать О. Н. Попова, по поводу враждебныхъ для „Новаго Слова" статей въ „Недѣлѣ". Третьимъ обстоятельствомъ въ пользу О. Н. Поповой служитъ то, что г-жа Попова совсѣмъ не знала 4-го февраля, обязуясь продать журналъ г. Семенову, что онъ марксистъ, она была встревожена 7-го февраля когда узнала о томъ въ союзѣ взаимопомощи и писала подъ этимъ впечатлѣніемъ письмо къ Н. К. Михайловскому. По симъ соображеніямъ членъ суда В. Спасовичъ, признавая что О. Н. Попова не оказывается ни нарушившею по настоящему дѣлу какія-бы то не было нравственные свои обязанности по отношенію къ жалобщикамъ Я. В. Абрамову и А. М. Скабичевскому, ни поступившею вопреки установившимся въ современной печати правиламъ и приличіямъ, полагаетъ жалобу гг. Абрамова и Скабичевскаго, какъ неосновательную, оставить безъ послѣдствій.

Два другіе члена Суда чести В. А. Манасеинъ и П. П. Фанъ-деръ-Флитъ, не соглашаясь съ В. Д. Спасовичемъ, находятъ, что существенное значеніе для рѣшенія настоящаго дѣла имѣетъ во-

просъ, для кого предпринято было г-жей Поповой изданіе журнала „Новое Слово"? Такъ какъ, приступая къ изданію этого журнала ни издательница съ одной стороны, ни сотрудники ея съ другой не заключили между собою никакихъ письменныхъ условій, то судить о положеніи дѣла можно только на основаніи свидѣтельскихъ показаній, которыя, къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прямо противорѣчатъ одни другимъ. Тѣмъ не менѣе два члена суда В. А. Манасеинъ и П. П. Фанъ-деръ-Флитъ, взвѣсивъ все бывшее на судѣ, пришли къ убѣжденію, что О. Н. Попова по всей вѣроятности знала, что ближайшіе сотрудники ея журнала смотрѣли на послѣдній, какъ на общее имъ всѣмъ кружковое дѣло, которое современемъ можетъ и совсѣмъ перейти къ нимъ. Это доказывается: 1) Заявленіемъ самой г-жи Поповой въ одномъ изъ ея писемъ, что она пріобрѣтала журналъ для С. Н. Кривенко и лицъ, которыя будутъ съ нимъ работать. 2) Показаніемъ свидѣтеля Максимова, что Поповъ называлъ ему все дѣло компанейскимъ, а на Кривенко указывалъ какъ на старшаго. 3) Тѣмъ обстоятельствомъ, что два гласные редактора (С. Н. Кривенко и А. М. Скабичевскій) взяли на себя тяжелый трудъ редактированія большого журнала за сравнительно ничтожное вознагражденіе (по 100 р.), причемъ А. М. Скабичевскому пришлось отказаться отъ много большаго заработка въ другихъ изданіяхъ. 4) Безплатной редакціонной работой другихъ ближайшихъ сотрудниковъ журнала. 5) Тѣмъ, что въ первое время всѣ редакціонные вопросы обсуждались сообща всѣми главными сотрудниками и только впослѣдствіи, по желанію Поповой, было устроено что-то въ родѣ высшей редакціонной инстанціи.

На этихъ основаніяхъ названные члены Суда полагаютъ, что г-жа Попова была нравственно обязана прежде, чѣмъ продавать свое изданіе другимъ лицамъ, къ тому еще придерживающимся иного направленія, чѣмъ ея прежніе сотрудники, употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы „Новое Слово" осталось въ рукахъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя менѣе чѣмъ въ два года существенно подняли журналъ и довели подписчиковъ на него почти до 3.000. Между тѣмъ не смотря на многочисленность переговоровъ и предложеній все-таки нельзя не придти къ заключенію, что вполнѣ искренняго желанія передать журналъ именно кружку писателей, его основавшихъ, у г-жи Поповой не было: такъ напримѣръ, предлагая г. Кривенко взять журналъ даромъ, она заявила, что мужъ ея А. Н. Поповъ не можетъ больше оставаться отвѣтственнымъ редакто-

ромъ*); при современныхъ же условіяхъ нашей печати найти въ короткое время такого редактора, котораго бы утвердило Управленіе по дѣламъ печати, —да еще для такого органа какъ „Новое Слово"—болѣе чѣмъ трудно. Мало того г-жа Попова не сообщила своевременно о продажѣ журнала Семенову не только кружку сотрудниковъ, но даже и редакторамъ С. Н. Кривенко и А. М. Скабичевскому. Поэтому сотрудники „Новаго Слова" имѣли основаніе считать всѣ слухи, ходившіе о предстоящей продажѣ, неосновательными; тѣмъ болѣе, что на послѣднее предложеніе г. Кривенко гг. Поповы не дали ему отвѣта, и онъ могъ считать переговоры еще не прерванными. Да и посредникъ между гг. Поповыми и сотрудниками, г. Волькенштейнъ, заявилъ на судѣ, что къ 1-му февраля (сроку, назначенному гг. Поповыми г. Кривенко для окончанія дѣла) вопросъ оставался еще открытымъ.

Принимая все это во вниманіе, два члена Суда В. А. Манасеинъ и П. П. Фанъ-деръ-Флитъ признаютъ г-жу Попову нравственно неправою въ продажѣ журнала „Новое Слово" въ томъ видѣ, какъ эта продажа совершилась; но вмѣстѣ съ тѣмъ они признаютъ наличность многихъ обстоятельствъ значительно уменьшающихъ неправоту г-жи Поповой, а именно: 1) болѣзненную нервность г-жи Поповой, оставшуюся у нея послѣ тяжелой перенесенной ею болѣзни; нервность эта удостовѣрена нѣсколькими свидѣтелями и врачебнымъ свидѣтельствомъ доктора Бертенсона; 2) безкорыстною затратою крупныхъ суммъ на изданіе журнала; 3) нѣсколько безпорядочнымъ, повидимому, веденіемъ сотрудниками хозяйственной части изданія; 4) недостаточнымъ знакомствомъ г-жи Поповой съ тѣмъ, какого направленія будетъ держаться новая редакція „Новаго Слова" и могутъ ли принять участіе въ журналѣ прежніе сотрудники; 5) участіемъ нѣкоторыхъ сотрудниковъ „Новаго Слова" въ „Недѣлѣ", хотя и не по спорнымъ между этими двумя журналами вопросамъ, въ такое время, когда журналы эти вели между собою полемику.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, Судъ чести по большинству голосовъ опредѣлилъ:

Признать О. Н. Попову нравственно неправою въ томъ, что она продала журналъ „Новое Слово" лицамъ иного, хотя тоже

---

*) Нѣтъ ли здѣсь редакціонный ошибки? Иначе нельзя понять, какимъ образомъ отказъ редактора отъ совмѣстной дѣятельности съ г. С. Кривенко могъ послужить основаніемъ для обвиненія моей довѣрительницы въ неискренности.

А. П.

прогрессивнаго направленія, не исчерпавъ всѣхъ средствъ для продажи журнала своимъ прежнимъ сотрудникамъ, но неправота г-жи Поповой въ значительной мѣрѣ уменьшается перечисленными въ мотивахъ настоящаго приговора смягчающими вину ея обстоятельствами.

Приговоръ подписали члены Суда чести: В. Д. Спасовичъ, В. А. Манасеинъ и П. П. Фанъ-деръ-Флитъ. Удостовѣряю сходство этой копіи съ подлиннымъ приговоромъ. В. Спасовичъ. 27-го мая 1897 г.

Судъ оконченъ. „Четыре нравственныхъ основанія“ оказались дѣйствительно нарушенными, но, по мнѣнію эксперта Н. К. Михайловскаго и двухъ членовъ Суда, нарушеніе совершено при обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину.—Гг. Манасеинъ и Фанъ-деръ-Флитъ, присоединивъ къ четыремъ обвинительнымъ пунктамъ жалобщиковъ отъ себя еще пятый—въ „неискренности желанія передать журналъ“ г. Кривенки,—высказались въ пользу обвиненія, но милостиво дали снисхожденіе.

Довѣренный О. Н. Поповой въ интересахъ престижа русскихъ писателей, ради котораго г. Абрамовымъ начато дѣло, счелъ необходимымъ аппелировать къ суду общественнаго мнѣнія изложеніемъ главныхъ моментовъ процесса по документамъ, находящимся въ распоряженіи Суда чести Союза взаимопомощи русскихъ писателей.

Съ этою цѣлью и появляется въ печати этотъ отчетъ.

Довѣренный бывшей издательницы журнала «Новое Слово»

А. Поповъ.

30-го мая 1897 года. Спб.

